

Дмитрий Каминский

На крыльях
феникса

Дмитрий Каминский
На крыльях феникса

«Издательские решения»

Каминский Д.

На крыльях феникса / Д. Каминский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850624-6

Она любила слушать баллады. Он любил сочинять. Но судьба уготовила иное — они стали героями... Эта история о реальных проблемах вымышленного мира. Феникс уже расправил крылья — он зовет нас в полет!

ISBN 978-5-44-850624-6

© Каминский Д.
© Издательские решения

Содержание

Интерлюдия Первая	6
История первая: Смирная молитва	8
Интерлюдия Вторая	41
История вторая: Трактиры и крылья	42
Конец ознакомительного фрагмента.	66

На крыльях феникса

Дмитрий Каминский

Редактор Анелия Ивановна Ибарбия

© Дмитрий Каминский, 2017

ISBN 978-5-4485-0624-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Интерлюдия Первая

Всему есть начало. Ранняя осень. Приходская школа. Скрип перьев. Улыбка зеленоглазого мальчика. Он сжимает перо крепче остальных. Монотонная лекция учителя. Неразборчивые каракули на доске. Мальчик не слушает учителя – только свои мысли. Ребенок не смотрит на доску. Ему интереснее образы в голове.

Воспоминания. Вечер. Мраморный зал, золотые блюда. Сладости, пряности, сдоба. Почетные гости. Эльфийская дева и ее муж. Перья в волосах. Бал. Шуты и лицедеи дурачатся. Знать кружится в танце. Мальчик боится. Мальчик решается. Эльфийка улыбается. Танец. Он ниже ее. Ему нет и одиннадцати. Она старше и замужем. Мальчик не знает, что такое любовь. Но он влюбляется. Стук сердца и стук каблуков. Капельки пота под челкой.

Ее поцелуй. Она благодарит. Мальчик не будет мыть свою щеку еще несколько дней. «Людское дитя, моя жена лишь играет с тобой». Эльф не может промолчать.

«Ты человек. Я эльф. Ты мальчик. Я воин».

Мелодия лютни ускоряется, становится лиричнее. Затем забавнее. А после печаль. Мальчика не развлекают игрушки. Ему уже не нужны бронзовые рыцари. Другие дети хлопают кукольному театру. Мальчик смотрит только на нее.

«Мама, я женюсь на эльфийке...». Материнские объятия.

«Вернись к нам, Ардентэл!»

Взгляд исподлбья. Хохот мальчишек. Исчезает зал, растворяется миражом эльфийка. Мальчик сглатывает слюну и опускает глаза. Мысли становятся материей.

«Эльфийская принцесса,
Подарившая мне танец...
Тебя ищу я среди леса,
Неся тяжелый школьный ранец...
И пусть я мальчик неразумный,
Я на тебя смотрю, смотрю...
А ты решишь, что я безумный...
Наверное, – ведь я люблю...»

Нескладно, но мальчик горд. Однажды он споеет серенаду. Он менестрель. Звенит колокол. Учитель покидает класс.

Мальчишка. Он идет впереди всех. Его волосы черны. Он не улыбается, а ухмыляется. Глаза широко не открывает, смотрит хитрым прищуром.

«Ардентэл влюбился в эльфийку! Ого, да у него тут стишки! Ребята, смотрите! Этот заморыш пишет стишки!»

Пальцы небрежно хватают бумагу.

«Отдай! Отдай!»

В глазах стоят слезы. Хохот со всех сторон. Словно в цирке.

«Влюбился! Влюбился! Недоумок-менестрель!»

Слезы. Ярость. Ладонь, что превращается в кулак. Капли крови на полу. Визг мальчишки. Разбитый нос.

А что затем?

Родительская брань. И мать, она держится за голову. И крик отца. И разъяренный граф, стучащий кулаком. Граф защищает сына.

«Посмотри, Марисса! Посмотри! Что твой отпрыск сделал с моим сыном?! Пока я граф – твоему ребенку нечего делать в этом городе!»

Рыжеволосый паладин все видит и все слышит. И вот уже его рука на плече мальчика...

История первая: Смиренная молитва

*В темноте живет лишь зло
Демонов литания
В тех местах, где не светло
Существуют лишь страдания...*

Валентайн Диксон, прославленный менестрель

Начало Хавестманса выдалось приятным. Свинцовые осенние тучи пока что не закрывали солнца, и оно сияло также ярко как летом. Только жару от него было намного меньше. Надо ли говорить, что это радовало пятерых всадников, которые бодрой рысцой скакали по Победоносному тракту? Четверо из них были совсем юноши, у которых, что называется, материнское молоко с губ не сошло, пятый, скачущий впереди, был опытным мужчиной с легкой проседью в длинных волосах и бороде, но каждый был облачен в броню и вооружен. На гербовой белой накидке воинов красовалась алая птица, а на шее звенел серебряный медальон в виде крылатого колокола.

Ибо сегодня, пятого числа месяца Хавестманса 1008 года от начала Эры богов, под остывающими лучами осеннего солнца, посреди золотой листвы ехал отряд рыцарей-паладинов.

Впрочем, не одни они. С самого рассвета через предместья в Эйджгейт прибывали большие обозы, груженные урожаем, купеческие караваны и пассажирские дилижансы. Хозяева придорожных, дешевых трактиров, откуда валил густой дым, раздирая глотку, кричали:

– Не проезжайте мимо! Только сегодня и только сейчас для вас приготовит обед лучший кухмейстер во всем Холихате!

– Заходите в наш трактир, в нем все, что душе угодно! Красивые официантки, мягкие постели! Дешевая еда и вкусные цены! Наоборот, конечно... Неважно, оставляйте своих лошадей, становитесь гостями!

– Таверна «Волк и Свинья». Придешь волком, уйдешь свиньей! И первая кружка самогона бесплатно!

Худосочные девушки стояли у обочин, в рваных и грязных льняных платьях, они, кокетливо жестикулируя, подманивали к себе купцов и, скалясь, грубили пешим паломникам в робах и мантиях, когда те, опираясь на посох, укоряли девушек, грозили им указательным пальцем и пророчили вечные муки. Девушки вульгарно улыбнулись, завидев паладинов, некоторые оголили плечи, как-бы подманивая к себе. Предводитель отряда хмуро отвернулся. Долговязый юноша, скакавший следом, стыдливо опустил глаза. Двое других, бритоголовый паладин со сломанным носом, и сияющий от гордости блондин с взъерошенными волосами, переглянулись и приветливо помахали проституткам. Последний паладин, который ехал позади всех, отстраненно, как сирота, вообще девушек не заметил, он, под стать своей гнедой кобыле, ехал понурый и задумчивый.

Когда же из обозов послышалась мелодичная мелодия флейты, юноша вытянул шею, как любопытный зверек и прислушался. Менестрели и барды часто сопровождали караваны, пожалуй, даже чаще, чем вооруженная охрана.

– Как я бы хотел быть среди вас, ребята... – чуть слышно прошептал юноша.

Хотя паладины в королевстве Холихат были столь же привычным явлением как стражники или патрульные отряды, они привлекали к себе массу внимания. Ведь, в какой-то степени, можно вынести вердикт – обычное не тождественно привычному.

Да, отряд рыцарей – паладинов был привычен, но было бы ложью и невежеством называть его обычным. Обычное воинское подразделение не облачается в отполированные до блеска

доспехи. А доспехи паладинов были именно такими. Кольчуга переливалась на солнце, в латах можно было увидеть свое отражение.

– Это рыцари? Мама, это рыцари? – пищали маленькие дети, выглядывая из окошек дилижансов.

Родители утвердительно кивали. Но они ошибались.

Возможно, многим не хватало ума узнавать в красной птице на гербовой накидке удивительное создание, феникса, исчезнувшего тысячу лет назад. Но плоский крылатый колокол видели абсолютно все в королевстве. Крылатый колокол как символ Верховного бога Ординума. Простые рыцари такой символ на шею не повесят. Это привилегия (или мученическая ноша) исключительно паладинов. А герб в виде феникса – исключительно паладинов Ордена Феникса Порядка.

Облысевший, фанатичный монах, сидевший подле кучера на одном из обозов, разглядев паладинов, как умный и начитанный, сделал следующий вывод:

Юноша с горбатым носом и гладко бритой головой олицетворяет гнев. Каждый раз, замечая на себе чей-нибудь взгляд, он напрягался, его щеки краснели. Паладин злобно тянул поводья на себя, от чего его чалая кобыла недовольна фыркала. Он напоминал монаху (и не одному ему) мальчишку из числа уличных бродяг, которые по поводу и без оно, лезут с кулаками на прохожих и кидаются камнями в собак.

Второй, блондин с взъерошенными волосами живет в непростительной праздности и, что самое жуткое, не гнушается блуда. Всякий раз, когда пышногрудые крестьянки, отвлекаясь от сбора пшеницы на полях, смотрели на него, он блаженно улыбался. А потом демонстративно, кичась тем, что стал паладином, то одевал, то снимал сфероконический шлем с подъемным забралом.

– Кто паладин? Я паладин! Кто паладин? Я паладин! – повторял он как умалишенный.

– Умолкни уже! – рычал в ответ кривоносый.

Третий, долговязый, державшийся рядом с предводителем, конечно, лет через десять станет достойным воином, но пока подвержен лицемерию, точно актер. Он пытался подражать старшему паладину даже в выражении лица и осанке.

Что же касается последнего паладина, скакавшего на гнедой лошади... его печальное лицо и блуждающие глаза говорят об унынии. И вообще он сильно отличался от своих собратьев. Худое лицо юноши покрывал редкий пух и несколько прыщей, что часто вскакивают, словно кроты из-под земли, у юношей его возраста. Слегка бледное лицо, черты благородные, но еще немного детские. Зеленые, наивные глаза, нос с небольшой горбинкой. Длинные каштановые волосы были собраны в конский хвост. Всадник больше походил на летописца или менестреля, чем на рыцаря. И хотя телосложение не особо замечалось под слоем доспехов, по внешнему виду казалось, что латы и кольчуга ему великоваты. Юноша, вдыхая через приоткрытый рот воздух, не переставая, смотрел по сторонам, в особенности обращал внимания на отличные от других экипажи, где ехали лесные эльфы. Казалось, что этот паладин, какой и на паладина-то не похож, скачет подчеркнуто отстраненно, погрузившись в фантазии и рассуждения за гранью мирового пространства.

Он особенно не понравился монаху. Монах привык видеть перед собой воинов, пусть грешных и порочных, но воинов. А последний какой-то несмышленный мечтатель!

– А ведь в Писании сказано: «Остерегайся мечтания и праздных мыслей, ибо они есть пучина, где погибают души...» – прокрипел монах.

К одному предводителю у него не было претензий. Его морщины таили в себе частички мудрости, как и голубые глаза, что рыцарь, простите паладин, направлял исключительно вперед. Его щеки и подбородок покрывала аккуратная борода. Паладин крепко сжимал поводья и лишь изредка позволял себе отвлечься.

Впрочем, неудивительно. Четверо юношей были новопосвященными. Они только-только из сквайров превратились в паладинов. Им было по семнадцать-восемнадцать лет и единственное, что они хорошо освоили это верховую езду.

Но от паладинов всегда ожидали большего. У одних они вызывают восхищение, нередко даже большее, чем королевские гвардейцы на грифонах. Кого-то паладины, может быть, пугают, или, скорее раздражают, словно яркий свет. Многие испытывают холодное равнодушное, чувство серое, как пейзажи поздней осени и ранней весны. Пара человек (именно человек) испытывает зависть, большинство любопытство.

Мнение пассажиров, кучеров, наемников, купцов, фермеров, паломников и одиноких торговцев сходилось лишь в одном. Все они были уверены, что опытный паладин везет своих учеников на восток, на первое в их жизни задание, врученное Орденем.

– Сражаться с туманом! – восклицали купцы.

– Они же совсем мальчишки! – хватались за сердце женщины.

– Им положено гонять голубей по крышам и куриц по двору, а не побеждать зло... – задумчиво потирали макушку одинокие рыцари.

Последним было особенно известно, для чего существуют Орден Феникса Порядка. Их цель – не захватчики и преступники. Паладины не стерегут границ и не служат королям. Их цель – оберегать разумных существ от различного проявления Абсолютного зла. Как гласила одна фраза из клятвы, которую паладины произносят в храме перед ликом десяти Людских богов – «Я паладин и моя цель сражаться со злом, да не убоюсь я его».

Однако рыцари, женщины и купцы ошибались. Пятого числа месяца Хавестманса 1008 года от начала Эры богов, пятеро паладинов сражаться со злом совсем не собирались.

***

Было уже чуть более полудня, когда отряд из пятерых паладинов, миновав пару тихих рек, протекающих у холмов и кукурузное поле, свернул с Победоносного тракта на узенькую, редко используемую тропу. Глухую тропу, вызывавшую у старшего паладина навязчивое чувство тревоги. Он обернулся посмотреть на новопосвященных. Их лошади шли одна за другой совершенно спокойные, а сами юноши, судя по их лицам, отдыхали от шума и суеты главного королевского тракта.

Вокруг уже больше не было открытых и залитых солнцем лугов. Холмистую местность покрывал густой массив смешанных лесов, где ели растут рядом с березами, а сосны с дубами. Безымянный тракт петлял между деревьев, круто поднимался вверх и плавно шел вниз, и по нему редко кто проезжал. Старший паладин это сразу понял, не увидев следов копыт и колес.

Он прислушался. Только цоканье копыт и тихий звон брони. Но эти звуки принесли сюда сами всадники. А так... ни пенья птиц, ни шелеста листьев. Мертвая, могильная тишина. Обычно в таких местах то сойка закричит, то кукушка. Бывает заяц пробежит, мышь или белка...

Но нет, ничего, совсем ничего.

И от этого ничего паладину было не по себе. Он водил глазами по сторонам, иногда лес становился редким и появлялись поросшие бурьяном луга, среди кустарников и высокой травы мужчина видел остовы домов и покосившиеся ограды. Если кто-то здесь и жил, то очень давно. И одним богам известно, почему больше никто не поселился.

Говоря по правде, старший паладин кое-что знал. В народе ходили слухи, что тропа эта проклята, что все селения, которые когда-либо строились вдоль нее, загадочным образом исчезали и даже алчные трактирщики отказывались устраивать здесь постоянные дворы. Мужчина считал эти рассказы суеверием. В народных байках столько проклятых мест, что во всем Поднебесье не хватило бы священников, чтобы очистить их от скверны!

Старший паладин знал, существует только две проклятые земли – Земля Ледяного Тумана и Эшленд... но они далеко и за ними ведется бесконечный дозор. Правда, существуют еще Ничейные земли, но с ними пусть лесные эльфы разбираются.

Что касается этой тропы... Серый жеребец всадника уперся взглядом вперед, дышал ровно и не проявлял никакого страха.

Быть может, паладин сам себя запугал? И дело вовсе не в тропе, ни в абсолютной тишине этих мест, а в личном страхе, что укоренился глубоко в душе?

– Последнюю группу некому сопроводить – обратился грандмастер Сильвер Лайт к старшим паладинам и мастерам, что столпились у него в кабинете.

– А кто в ней? – осведомился рыжеволосый Роджер.

– Хм... Аннейм. Лаитон Грассленд, Стевин Хеджсхог и этот, – грандмастер сосредоточился – как его там... Из Вайнривера, Ардентэл.

Ловчий паладин Роджер сглотнул слюну.

– Ясно.

– За ними нужен глаз да глаз, – продолжил Сильвер Лайт, опираясь на письменный стол. – Аннейм агрессивный. Ардентэл рассеянный... Хотя может испытание вправило обоим мозги. Свободных мастеров нет. Оставшиеся нужны здесь. Новая партия послушников на подходе.

– Разрешите мне, грандмастер – попросил Роджер и сделал шаг вперед.

– Исключено. Ловчие требуются во дворце Ордена, – покачал головой грандмастер.

Тогда из-за спин своих собратьев к Сильверу Лайту вышел бородатый и простоволосый паладин. Тобиас Шумейкер. Он был ровесником Роджера, то есть им обоим было меньше сорока, но морщин на лице Тобиаса было много больше и среди его каштановых волос поблескивали седые.

– Я могу, сэр.

– Шумейкер? – удивился Сильвер Лайт.

Паладины за спиной Тобиаса недвусмысленно переглянулись.

– Да, сэр.

– Хауз! – окликнул грандамастер.

Шаг вперед сделал мастер жилистого телосложения.

– Других вариантов нет?

– Нет, грандмастер.

Сильвер Лайт вздохнул. Показалось, что от отчаяния его благородная седина потускнела.

– Значит, решено. Поедет Шумейкер. Но помни, за новопосвященных ты отвечаешь головой и медальоном. Не обижайся, ты храбрый паладин. Но воспитатель из тебя никудышный. Новопосвященные прошли Испытание, но в душе они такие же мальчишки, какими были до него. Помни об этом, Шумейкер.

– Я не подведу! – уверенно поклялся Тобиас.

– Надесь. Да помогут тебе Людские боги...

– Собратья, не знаю как вы, а я все еще не могу поверить, что стал паладином. Семь лет назад я играл в «Чижа-стрижа» и гонял соседских девчонок, а сегодня, наряженный в доспехи... Весь такой, как это... помпезный! А вы заметили, как на нас смотрели на Победоносном тракте?

Голос светловолосого юноши звучал звонко, как колокольчики. Он вытащил старшего паладина из пучины воспоминаний. Юноши также оторвались от своих мыслей. Даже тот, который скакал позади. Он, наконец, поднял свою понурую голову.

– Стевин, может люди, простите, народ был разочарован, – предположил долговязый паладин. – И вообще никто не хотел встречать паладинов на своем пути.

– Да брось, – отмахнулся Стевин и демонстративно поправил меч на поясе. – Как можно разочароваться при виде нас? Красавцев? Или мы не паладины великого Ордена Феникса Порядка? Вспомни, какими глазами на нас смотрели миленькие девушки из дилижансов и ты согласишься со мной, Лаитон. А проститутки и денег бы не взяли.

Началось.

Тобиас никогда не был наставником, никогда не был предводителем. Он был из тех паладинов, что предпочитали охотиться поодиночке. Одиночкой быть намного проще, нечего и спорить. Отвечаешь лишь за свою жизнь.

С молодыми еще сложнее. Старший паладин был убежден, что для них нужно стать другом, а не просто учителем, как некоторые мастера, от которых послушникам и сквайрам хотелось вешаться.

Но как стать другом тому, чье мнение совершенно противоположно собственному?

– Фи, – поморщился Лаитон – Мне показалось, что это ты восхищался девушками, а не они тобой.

Чмокнув лошади Лаитон подался чуть-чуть вперед, поближе к старшему паладину.

– Хорош умничать, Лаитон! – возмущенно заворчал кривоносый. – Много ли ты понимаешь?! Тебе уже семнадцать лет, а ты до сих пор произносишь «люди», «человек». К твою сведению, мы живем в королевстве населенном разными расами, ясно?! Прекращай свой расизм, мы не в Колдкроу! Наши ваших во всех войнах лупили, и я тоже могу тебя стукнуть!

Нет. Вот теперь началось.

Тобиас, услышав, как назревает конфликт, незамедлительно вмешался. Он обернулся и строго посмотрел на Клайда. Тот дерзко перехватил его взгляд.

– Я сморю, медальон настолько тяжел для твоей шеи, Клайд, что ты уже хочешь от него избавиться? Не затевай ссору с братом, договорились?

Клайд хотел еще что-то сказать Лаитону, вероятно, столь же грубое, но проглотил слова. Тобиас выдохнул. С вампирами и гулями, безусловно, намного проще.

– Простите, мастер Тобиас, – виновато произнес Клайд и опустил глаза. Старший паладин заметил, что юноша не смотря на наигранное чувство стыда, недоволен его предупреждением. Тобиас хорошо знал такой тип мальчишек. Для них мир – это сплошное поле боя, где нет настоящих друзей. Либо враги, либо лживые подхалимы. Клайд бросил язвительный взгляд в сторону четвертого юноши. Четвертый паладин, едва только заметив на себе этот взгляд, трусливо отвернулся, начал разглядывать деревья. Гнев Клайда сменился на злорадную ухмылку.

– Не обижайся, Клайд. Но однажды тебе придется стоять Лаитоном спиной к спине, не стоит начинать братскую дружбу с оскорблений. И еще... я не мастер.

– Хорошие слова, сэр – отметил Стевин.

– Кроме того, – продолжил Тобиас, едва заметно улыбнувшись, – старая народная поговорка гласит: «Оскорбил трактирщика – пиво пей с плевком».

Среди новопосвященных раздался дружный хохот, только едущему позади юноше сказанное не показалось смешным.

– Не думал, мастер, что вы скажете подобное, – подал он впервые от рассвета голос.

Все тут же обернулись, а Клайд со Стевином обменялись ехидными взглядами.

– Фраза не самая приятная, соглашусь, – улыбчиво посмотрел на юношу мастер. Однако в оригинале она звучит несколько иначе. Я ее немного изменил. Я просто стараюсь как можно меньше грубо выражаться, чего и вам советую. Паладину это не к лицу.

– С чего вы взяли, сэр? – задался вопросом Клайд и провел по своей колючей голове ладонью. – Мы же не призываем ничего... э... непотребного руганью. Иначе бы трактиры давно кишели бы демонами!

Стевин и Лаитон засмеялись и стали ждать ответа старшего.

– Демоны на брань, конечно, не откликаются, – согласился Тобиас. – Но ругань создает плохую, черную атмосферу. Она может звучать где угодно и оставлять после себя грязь. Тем более, зачем растрачивать свои силы на грязь, если можно направить их на достойные поступки?

– Вам, конечно, виднее, – задумчиво протянул Клайд. – Но я сомневаюсь, что все настолько серьезно. В книгах я такого не читал. И на лекциях не слышал.

– На лекциях ты спал. А библиотеку ордена посещал только перед Итогами. И тут же забывал, что пишут в книгах, – возразил Стевин и улыбнулся собрату.

– Ты, можно подумать, много знаешь! – огрызнулся Клайд.

– Это лишь мое мнение. Никого подтверждения ему нет, однако если рассуждать логически... – объяснил Тобиас.

– Я с вами согласен, мастер, – поднял глаза четвертый паладин, выпрямившись в седле. – Брань – это разрушение, в то время как добрые слова – созидание. К примеру, когда мужчина говорит женщине о любви, то через некоторое время они порождают новую жизнь. А если мужчина будет ее постоянно бранить, то из их союза ничего дельного не выйдет. Я ведь прав, мастер?

Стевин страшно расхохотался, если бы на ветвях деревьев сидели бы птицы, он бы их спугнул, точно неумелый охотник. Лаитон пожал плечами и посмотрел на старшего паладина. Кожа Клайда побагровела, он превратился в сплошной комок ненависти.

– Заморыш, умолкни лучше! Ты девушку хоть раз лапал? Занимайся своими стишками, бегай гольшом по облакам! А в разговор настоящих мужчин не влезай! – резко выпалил паладин и пригрозил кулаком.

Юноша тотчас отвернулся в сторону, стараясь не заглядывать в глаза своего собрата. Юношу внезапно заинтересовала дорога под копытами его гнедой кобылы.

– Клайд, прекрати немедленно! – сделал резкое замечание Тобиас. – Не смей оскорблять собрата!

– Ардентэл мне не брат.

– Правда? – старший паладин посмотрел новопосвященному прямо в глаза. Сейчас он не нашел в них ни капли стыда. – Он твой брат, ясно? И знаешь ли ты, что это Себастьян сочинил боевую песню, которую поют в нашем Ордене?

– Подумаешь, стишок в пятнадцать лет сочинил! Ха! Зато свой нос вправлял после каждой тренировки! – не унимался Клайд. – Особенно ему доставалось от меня!

– В настоящем бою ты тоже будешь целиться в нос? – спросил Тобиас.

– Разве Ардентэл будет стоять спиной к спине, когда на нас нападут? – не унимался Клайд. Мышцы его лица дрожали.

– Клайд, успокойся. Ты больше не послушник, не глупый отрок, ты – паладин, – нравоучительно произнес Тобиас. – Себастьяну, возможно, тяжелее даются боевые искусства. А ты, раз такой сильный, лучше бы помог ему, чем извечно задира! Ты меня понял?

Клайд сделал такую кислую рожу, будто ему только что предложили поцеловать разложившийся труп. Однако вслух он ответил:

– Я понял, сэр.

– И, между прочим, Себастьян очень верные примеры в подтверждение моей теории привел, – уже более спокойно произнес мастер, затем, по-отцовски улыбнувшись, обратился к Себастьяну. – Молодец, юноша.

Новопосвященный паладин улыбнулся и робко, исподлобья поглядел на Клайда, но только затем, чтобы снова отвернуть свой взгляд в сторону.

Лошади продолжали мерно идти, изредка недовольно или от усталости фыркая. Особенно много шума было от чалой кобылы Клайда. А все от того, что юноша, поддаваясь внут-

ренней ярости, слишком сильно тянул за поводья и пришпоривал пяткой ее бока. Тобиас сердцем чувствовал, что Клайда раздражал сам факт того, что старший паладин вступился за этого «заморыша», Себастьяна. К слову, мужчине казалось, что Стевину, который ехал в этот момент по правую руку от кривоносого юноши, возможно, тоже это не нравилось. Однако Стевина гораздо больше заботило собственное существование...

Тем временем, сплошной лесной массив закончился и отряд оказался возле широкого ручья, который лился откуда-то из далека и впадал в узенькую речушку. Она перегородила путь паладинам. Впрочем, Тобиас увидел, что ее можно перейти вброд.

– Привал! – громко объявил он.

Юноши обрадовались. Они остановили лошадей, слезли с них и привязали к деревьям. Тобиас размял уставшие кости.

– Идите, делайте свои дела.

Юноши кивнули и побежали в сторону леса. Только один Себастьян остался со старшим паладином. Он погладил свою кобылу и прошел к берегу реки, чтобы сесть там и посмотреть на течение.

Наверное, это его успокаивало.

Тобиас вытащил из-под седла одеяло и расстелил его на траве. Он достал из дорожных сумок различную снедь: яблоки, лепешки, немного вяленого мяса. Эти места не переставали его удивлять. Было достаточно тепло, значит, насекомые еще не впали в зимнюю спячку, но никто из них не летел полакомиться едой.

Обычно мухи облепляют фрукты, осы слетаются со всех сторон. Но только не здесь. Тобиас не видел даже муравьев или червей в траве. Их отсутствие напрягало старшего паладина. Он открыл фляжку, чтобы набрать немного воды из родника, но в последний момент передумал. От воды странно пахло. Какой-то гнилью. Словно по ней сплавляли покойников. Тобиас поморщился.

Он пригляделся. На другом берегу, на низеньком холме стояли, поросшие мхом и лишайником, каменные идолы. Идолы, оставшиеся с языческих времен, когда представление о Людских богах было совершенно иным. Когда невежественные люди приносили им жертвы, точно демонам! Богам – жертвы!

Ординум, прости их... И прости меня.

Единственной жертвой Людским богам может быть нескончаемая молитва, искреннее покаяние. Благодарность. Смиренная Молитва.

Юноши вернулись из леса, довольные и облегченные. С мочой, Клайд, кажется, вылил весь свой гнев. Теперь он был спокоен.

– Садитесь есть! – позвал Тобиас.

Юноши сбежались к одеялу, и расселись вокруг.

– Себастьян, иди к нам!

Юноша обернулся и медленно приблизился. Он взял лепешку и сел немного отстраненно.

– Вам известно куда мы скачем? – задал вопрос старший паладин, откусывая вяленого мяса.

– В храм, – незамедлительно ответил Лаитон.

Он воссиял от гордости, что сказал это первым.

– Верно, – кивнул Тобиас. – А зачем?

– Смифенная Молитфа, – опередил юношу Стевин, он сказал это с набитым ртом.

– Снова верно. А что это?

Тобиас заулыбался, юноши переглянулись. Старший паладин обернулся на Себастьяна. Тот даже не обращал внимания на разговор. Скромно откусывал по маленькому кусочку от лепешки и смотрел в сторону.

– Это не просто молитва, – объяснил Тобиас. – Это благодарность и покаяние, которое мы приносим Людским богам. Благодарность за то, что они помогли нам пройти Испытание. Покаяние за то, что мы не всегда себя достойно вели, будучи послушниками и сквайрами.

– Почему же мы скачем в такую даль? Не проще ли помолиться в Соборе Людских Богов? Или в орденской часовне Ординума? – посыпались со стороны Стевина вопросы.

– Не так все легко, юноши. Вы сейчас не просто паладины, вы паломники. Такое же паломничество совершали многие поколения новопосвященных до вас и еще многие совершат после.

Клайд проглотил большой кусок яблока и недовольно пробурчал:

– Лучше бы мы отравились в склеп! Мечтаю искупать свой меч в крови какого-нибудь мертвеца!

Тобиас вздохнул и покачал головой.

– Значит, ты хочешь поскорее сразиться с Абсолютным злом?

– Да, я же паладин!

– Вас еще год на задания посылать не будут, – открыл тайну Тобиас.

Среди юношей раздался возмущенный галдеж.

– Как же так?

– О нет...

– Я хочу славы!

Только Себастьян, кажется, обрадовался. Тобиас услышал, как он облегченно выдохнул.

– Поверьте мне на слово, юноши, в жизни все иначе, отлично от того, как воспето в балладах, – с горечью заметил Тобиас. – Лежать мертвым под толщей черной земли не слишком приятно. А можно умереть и вовсе в таких местах, что могила порастет травой и папоротником, и все забудут, что когда-то здесь была какая-то битва. На твоих останках построятся новые города. Будет рождаться новая жизнь... а смерть твоя останется только с тобой. И не забывай, если погибнешь от лап Абсолютного зла, есть риск отправиться в Небытие к Темным богам, словно грешнику.

– Ну и что? Зато будут знать, что я умер в бою. И боги это будут знать. И Ординум, между прочим! Он не допустит, чтобы душа моя отправилась в Небытие! – резко возразил Клайд, его губы подрагивали от гнева.

– Не ищи смерти, Клайд. Она сама тебя найдет. Ее необходимо достойно встретить, но стремиться нужно не умирать, а жить.

– Ха! – Клайд в конце перестал сдерживать свои эмоции, забыл, что ведет беседу не с собратом, а со старшим паладином – А если я выживу? Без страха вырежу зло и выйду победителем? Я молодой, в отличие от вас, мастер. Но я тоже достаточно в прошлом повидал. И в уличных драках часто участвовал.

– Боюсь, настоящий бой и уличная драка – абсолютно разные вещи, – заметил Тобиас. – В драке редко стремятся убить...

– Чего? Да в ней помереть проще, чем под шквалом стрел! – возразил Клайд.

– А если стремятся, то это уже превращается в бой, – продолжил Тобиас, пропуская слова мимо ушей. – Обычно показывают свое превосходство и силу, но не забирают ни у кого жизнь. Я согласен, можно выжить в бою, можно вернуться домой с победой. И таких примеров масса. Но если вести бой, как ты говоришь, без страха, то можно дать преимущество своим врагам. В бою главное – осторожность и умение трезво мыслить. А тем более в бою с теми, с кем сражаются такие как мы. Недаром всех смертных боги наградили разумом. А разум – это в первую очередь способность думать и оценивать свои возможности. Воспринимать чувства. Анализировать. Страх ведь может не только отравить смертного... В умелых руках страх становится способностью, что позволяет осторожно решать все проблемы, не подвергая опасности чью-либо жизнь и здоровье. Я говорю о страхе не как о безликой агонии, терзающей душу, а как об,

повторюсь, трезвой осторожности. Знаете, я рад, что грандмастер мудро смотрит на ситуацию и не посылает на опасные задания молодых паладинов, новопосвященных.

Юноши задумались и замолчали. Тобиас улыбнулся в душе. Он и не знал, что способен говорить такие слова. Ему всегда тяжело давалось общение с молодым поколением. Тобиас не имел ни детей, ни семьи. Ему хотелось стать отцом или другом для всех этих молодых паладинов, но никогда не удавалось этого сделать. Орден не назначал старшего паладина преподавателем и не давал ему звание мастера.

Дело было не в каком-то мнимом пренебрежении или в низком уровне боевых навыков. Наоборот, Тобиас был одним из опытейших в ордене. Именно ему и поручали многие ответственные задания. Задания, связанные с высочайшим риском, в которых, в первую очередь, важно умение хладнокровно мыслить и сохранять спокойствие. Старший паладин владел этим так же хорошо, как своими боевыми навыками. Однако случай, произошедший с ним много лет назад, подорвал репутацию паладина, как воспитателя или учителя. Этот случай мастер никогда не вспоминал, а старался всеми силами гасить, точно разгоравшееся пламя, воспоминания, которые, подобно могильному червю, подползали к сознанию и поедали его.

– Вставайте, пора ехать дальше. Если повезет, достигнем церкви дотемна. – Тобиас поднялся и сел на своего жеребца.

С неохотой юноши собрали вещи и взобрались на лошадей. Себастьян сделал это самым последним.

Вброд кони быстро перешли речку, отряд отказался на другом берегу. И Тобиасу не заметил среди травы и под деревьями странные цветы, которые были хаотично рассыпаны по земле.

Они выглядели как круглые звериные глаза, надетые на красный стебель с колючками. В народе их называли злобовзгляд. Ученые и врачеватели называли растение глазоцветом. Но все, как один знали, что такие цветы произрастают в местах с очень черной энергией. Или вблизи таких мест.

***

Облака ласкал молодой закат. Багрово-оранжевый цвет, точно ягодный сироп, обтекал вечернее небо, там, на горизонте, где верхушки деревьев и вершины холмов резко обрывались.

И каждое облако имело оригинальный образ. Вот тихо и бесшумно проплывали корабли, погоняемые ласковым ветром. Они распались, соединялись снова, их белоснежные и неровные паруса впитывали свет вечерней зари. Следом за кораблями шли звери, похожие и непохожие на тех, что обитали в Поднебесье. Эти звери не сражались за добычу и не убегали от хищников, просто равномерно и тихо парили, удаляясь все дальше, как кочующее стадо.

Себастьян любил наблюдать за облаками. Равно как и за всей природой. В каждом ее элементе он находил вдохновение, наслаждался неуловимой, но ощутимой, пробирающей до дрожи в суставах, красотой. Красотой, которая наводила на мысли о далеких странах, о недоступных уголках Поднебесья вроде лесного королевства эльфов, о островах, где не бывает зимы, где круглый год шумят водопады... Или о раскаленных песках Аль-Тэлмез...

Молодой паладин смотрел по сторонам и вспоминал, как в детстве любил сочинять истории, как старым ножом деда вырезал солдатиков и рыцарей из дерева. Они выходили неказистыми и угловатыми. Рыцари работы мальчика ходили на троллей, принцессы на старух... Мягкие перины служили зыбучими песками. Но детская фантазия имеет свойство все преобразовать и вот разыгрывались драмы, баталии шли за баталиями. Истории оживали в руках Себастьяна.

Позже, мальчик всегда просил в подарок воинов из олова, обычно, вместе с мамой, они покупали игрушки у старого гнома. В его мастерской пахло смолой и опилками. С улыбкой гном преподносил набор на очередной День рождения Себастьяна. И пальцы мальчика

бережно держали всадника, на котором так четко вырисовывалась каждая деталь. А лошадь его была похожа на Робену.

Робена фыркнула. Себастьян провел ладонью по ее гриве.

Всадник скакал по деревянному королевству, побеждая чудовищ, спасая принцесс, возглавляя армии.

Мальчик играл, мечтая, что однажды изложит фантазии на бумаге и добавит к ним музыку. Он вырастет и станет сочинять баллады и поэмы, чтобы поведать их миру.

Все шло к этому. Однажды порог старого особняка, называемого в округе Поместьем Ардентэл, переступил знаменитый Валентайн Диксон. Его музыка была известна во всех уголках Холихата. Его песни распевали в кабаках и замках, на оживленной площади и посреди глухого леса.

Валентайн пророчил Себастьяну большое будущее. Говорил, что талантливого мальчика ждет успех. И его голос поднимет боевой дух целой армии, он будет звучать по всему Поднебесью!

Менестрель трепал мальчика за волосы, приговаривая: «Какооое поколение будет за нами, послушайте, а!»

Мама Себастьяна, миледи Марисса Ардентэл, бесконечно твердила об отнятой чести и поруганной фамилии. Рассказывала, как Гаверноры растоптали Ардентэлов много лет назад, оставив дворянский род с одним старым особняком и ничтожным клочком земли. Мать никогда не рассказывала, что же такое случилось. Сестра вскользь упоминала о каком-то предательстве. Но мальчик верил, что вернет эту честь.

Станет менестрелем и вернет своему роду величие. И тогда его высочество, Леонард из Лексианов лично осенит Ардентэлов своим благословением.

Валентайн Диксон с тоской вспоминал о гильдии менестрелей, которую, как и Ардентэлов, оклеветали и растоптали. Он говорил, что Себастьян бы учиться в ней... Но так или иначе, мальчику, с его музыкальным и поэтическим даром, открыта дорога в большой мир. И Поднебесье однажды озарится светом нового созвездия!

Менестрель целый месяц жил в Поместье Ардентэл, а когда ему пришла пора собираться в дорогу, он позвал к себе Себастьяна, протянул ему футляр и улыбнулся. Себастьян открыл и увидел лютню: сделанную из вишни, с медными струнами и витиеватой резьбой.

Мальчик заплакал от радости.

«Сыграешь на ней вместе со мной, когда подрастешь. А до тех пор... тренируйся!».

Валентайн, сказав это, обнял мальчика на прощание и ушел.

Но... но Гаверноры растоптали и это. А Людские боги даже не вступились. Теперь за спиной у Себастьяна вместо лютни висит щит. И Себастьян сам стал оловянным всадником на ладонях Ординума.

И от этого юноше было горько на душе. Эта горечь, будто невидимый демон сопровождала его, по меньшей мере, семь лет. Семь долгих лет, которые могли уйти на лучшее (как ему казалось) занятие. Душа Себастьяна билась в страшной агонии, стоило ему лишь исподлобья направить взгляд в спины собратьям, скачущим впереди. По хмурой мине юноши было очевидно, что в качестве друзей он их не видит. Пожалуй, он их и к собратьям-то не причислял.

Лаитон – фермерский сын, высокий и сильный, как и положено настоящему паладину. Затем Стевин – из купеческой семьи, любимец девушек и любитель денег и славы.

И, конечно, Клайд.

Все трое молчали. Стевин достал из кожаной сумки мешочек с сухарями из ржаного хлеба, угощал собратьев и жевал сам, неприлично чавкая при этом. Лаитон протягивал горсть сухариков паладину сэру Тобиасу, но тот только выставял открытую ладонь перед собой и качал головой. Кобыла Клайда находилась ближе всего к кобыле Себастьяна, и юноше хорошо

было заметно, как каждая кровеносная вена на лице наливается кровью, будто новопосвященный паладин разгрызает кость.

Клайд. Вот уж кого всегда недолюбливал Себастьян.

Мальчишкой Клайда нашли на улице, он был воришкой, сиротой. Юноша не знал, но догадывался, что его умершие родители сами промышляли воровством... Говорят, их зверски убитых, нашли в сточной канаве.

Но Клайда привели в Орден, приютили, и вот, он превратился из задиристого, агрессивного и грубого сквайра в точно такого же паладина. По иронии судьбы. Собственно по той же иронии, как и сам Себастьян. И эта же ирония отправила юношу на Смиренную молитву, в той компании, где он меньше всего желал находиться.

Помыслы Людских богов не были ясны Себастьяну. Ему в голову закрадывались богохульные мысли, что Ординум, верховный бог, покровитель защищающих и добродетели Порядка, нарочно пытается превратить его в паладина, вопреки желанию ничтожного смертного. Ординум самостоятельно выбирает роли для игры на сцене театра, кем-то названного Поднебесьем.

Молодой паладин был уверен в этом относительно себя, и, чуточку относительно Клайда. Впрочем, по крайней мере, Клайд физически сильный и храбрый.

Себастьян на секунду опустил глаза и запустил тонкие пальцы в гриву рыжей кобылы Робены. Слово гребешком он принялся с нежностью и заботой распутывать пряди, как делал бы это любимой девушке, будь у юноши таковая. Кобыла пусть немного устало, но все же с удовольствием, зафырчала, раздув широкие ноздри. И Себастьян впервые за сутки умилится. А потом с указательного пальца правой руки юноши едва не соскочило в дорожную пыль серебряное кольцо-феникс. В то же мгновение все вернулось на свои места.

Даже феникс стремится улететь от меня прочь. Ну, какой из меня паладин?

Какой паладин из него? Юноша вновь, стеклянными глазами, посмотрел в спины «собратев». Истинным паладином выглядел только светловолосый, благородный Алекс, которого здесь не было. Единственный настоящий брат, скрасивший Себастьяну золотыми, как собственные волосы, оттенками семь невыносимых лет. Вероятно, кольцо-феникс собиралось расправить серебряные крылья и полететь к Алексу. Однако лошадь истинного паладина Алекса не топтала сейчас узкий тракт, а сам новопосвященный находился уже на полпути в охваченный холодом и льдом (и летом тоже) город Охранитель.

И юноше вдруг снова захотелось бросить все, повернуть свою кобылу Робену и поскакать в далекие места, где его любят и ждут. Но он не мог это сделать. Во-первых, лошадь и не его вовсе. Она, как и доспехи с мечом и щитом, принадлежала ордену. А во-вторых, теперь ордену принадлежал и сам Себастьян. Конечно, не в прямом смысле, но молодому паладину от этого не становилось легче. Да еще к тому же кожа на грудной клетке зудила и щипала уже второй день. Последствия от гербовой татуировки феникса, такого же, как и на накидке. Подобную татуировку ставили абсолютно всем новообращенным. Еще у Себастьяна болели бока от недавнего занятия, на котором пришлось фехтовать с Клайдом. А Клайд никогда не щадил своих противников, а Себастьяна тем более. Впрочем, молодой паладин уже привык к этому. Вернее, ему пришлось привыкнуть.

Юноше и до того не раз и не два посещала мысль о дезертирстве. Несколько лет назад он уже сбегал из Ордена. Но, в силу обстоятельств, Себастьяну пришлось вернуться в стены, из которых бестелесная человеческая сущность с десяти лет пытается выбраться. Конечно, Орден Феникса порядка можно было покинуть в любой момент во время обучения. Никто из мастеров и старших паладинов не мог и не хотел насильно удерживать послушника. Вступление в орден, как и уход из него, являлось почти добровольным выбором. Правда, за все время обучения Себастьян был свидетелем всего четырех подобных случаев.

Практически каждый послушник знал, на что он идет, когда только переступает порог орденских чертогов. Некоторых мальчиков на обучение отдавали родители, и обычно ребенок не противился их воле. В силу ли воспитания или по собственному желанию, но послушники не покидали орден до самого посвящения в сквайры. Мотивация при этом была достаточно проста. Обучение в будущем сулило большие перспективы. И неважно, насколько порой сложно было его закончить, каждое усилие над собой и сложные испытания в дальнейшем с лихвой окупались.

Фермерские сыновья или дети из бедных семей после посвящения имели возможность зарабатывать неплохие деньги. Труд паладина весьма хорошо оплачивался королевством и церковью. Возможность зарабатывать хорошие деньги привлекала множество добровольцев. Ко всему прочему, была немалая возможность быть в почете у знати, чего, конечно, простой народ никогда не устаивался.

Еще среди послушников были сыновья самих паладинов. Эти мальчики воспитывались в строгости и придерживались правил, которые передавались из поколения в поколение. Во многих семьях уже появилась традиция отдавать в Орден Феникса Порядка каждого новорожденного мальчика. В результате образовывалась целая династия паладинов, и, как правило, паладины из такой династии, в силу своего происхождения и воспитания, оказывались самыми способными в нелегком, но благородном деле.

Третий же тип мальчиков приходил в орден не из-за будущих привилегий и не в целях соблюдения семейных традиций. Просто эти ребята хотели всем сердцем стать героями, нести службу во имя Людских богов и охранять мироздание от порождений Абсолютного Зла. Кому-то такая цель казалась абсурдной и по-детски глупой, а кто-то считал ее благородной и достойной любого уважающего себя мужчины.

Себастьян не мог отнести себя ни к одному из этих самых распространенных в ордене типов.

Он же мог покинуть орден, мог! В любой момент перед Испытанием и до принесения клятвы и присяги. Он молил Ординума каждый день, убеждал себя, своих родных, и своего бога, что не ему суждено до самой старости носить тяжелые доспехи, и, вооружившись верным мечом и молитвой, искоренять всяческое проявление Абсолютного зла. Юноша хотел другой судьбы.

В Ордене Феникса Порядка Себастьян нередко прогуливал занятия и лекции, дабы в полном одиночестве посвятить себя творчеству. За что каждый раз получал наказание. В Ордене были определенные правила и все должны были их соблюдать.

Только вот все эти правила не для юноши, так он сам судил. Он всем сердцем хотел судьбы менестреля и свободы, подобной полету птицы. И для воплощения детской мечты достаточно было просто уйти, не дав священную присягу. Себастьян без всяческого стыда поступил бы так. К его величайшему огорчению и этим ожиданиям было не суждено сбыться.

Молодой паладин украдкой вытащил из сумки сложенное в четыре раза письмо. Письмо от матери.

Мой дорогой сынок! Пишу тебе сообщить, что в родном Поместье все спокойно и идет своим чередом. Как я со стыдом сообщала ранее, твой отец снова отлучился на заработки. Наши скромные земли уже не способны кого бы то ни было обеспечивать. А твоя сестра, моя любимая дочь, устроилась на работу в какой-то развездной театр, точно так, как давно мечтала. И это весьма удручает меня, твою матушку. Я бы хотела видеть ее достойной леди, а не беспечной артисткой.

Поэтому, мой каштановый зайчик, на тебя я возлагаю все свои последние надежды. Помни всегда о чести своего рода и фамилии.

И помни, что нет большей гордости для матери, чем гордость за сына. Я бы хотела увидеть тебя стоящим на коленях в кафедральном Храме Людских богов и приносящим клятвенную присягу. Я бы хотела увидеть, как меч в руках Духовного магистра Церкви ложится на твои плечи. И как ты встаешь уже не мальчиком, но паладином. Величие нашего рода было сброшено вниз клеветой и ложью! И твоя святая обязанность восстановить его!

Прошу тебя, сынок, оставь о фамилии Ардентэл добрую память! Ты, разумеется, вправе сам решать. Но знай, любым опрометчивым поступком ты разобьешь мне сердце... Я буду молить Людских богов, чтобы они помогли тебе пройти Испытание.

Удачи, мой каштановый зайчик, целую!

Марисса Ардентэл

Седьмое число месяца Ливманса,

1008 год от начала Эры Богов.

На глаза юноши наворачивались слезы. Он сложил письмо и спрятал в сумку. Ему было жалко мать и одновременно обидно. О каком величии рода могла идти речь, если паладины лишены права наследства? И почему сестре позволено осуществлять свои мечты, а ему нет?

Впрочем, Себастьян просто не мог отказаться выполнить просьбу. Лучше уж посвятить себя нелюбимому делу, чем позволить себе недостойный и даже низкий поступок – нарушить слово данное родителям. Проблема в том, что теперь, когда невероятно тяжелые испытания пройдены, присяга дана – назад уже ничего не вернешь. А нарушить клятву богам все равно, что превратиться в порождение Абсолютного зла, с коими и придется бороться.

От клятвы может избавить лишь смерть или позорное изгнание из ордена.

Новопосвященный паладин уже не раз убеждался, что очень много представителей разумных рас, а уж тем более людей, посвятили свою жизнь совсем не тому, чего хотели изначально. И неважно кем они становились. Нередко встречались стражники, что всем сердцем желали стать писарями или клерками где-нибудь в ратуше. Бывали менестрели стремящиеся сражаться и побеждать, крестьяне желавшие править и короли, которые хотят возделывать землю.

Это было вполне естественно в любом обществе.

Вот и Себастьян, сейчас, наслаждаясь глазами природой, а душой мучаясь, хотел лежать на траве и брэнчать по струнам. Но в его руке был меч, а не лира менестреля. Он мечтал о лире, а получил меч.

Между тем, закат превращался в вечерние сумерки. Отряд из четырех новопосвященных паладинов, возглавляемый паладином старшим, был близок к придорожному храму.

– Поскорее бы! – предвкушал Стевин. – В животе урчит. И моего мерина тоже!

– Ничего, твоему недожеребцу полезно поголодать! – язвительно прокомментировал Клайд. – Иначе станет таким же куском сала, как и все евнухи!

В это мгновение Себастьяну почудилось (а ему чаще чудилось), как кобыла Клайда заржала вместе с ним.

Тобиас устало закрыл глаза и негромко пообещал, что в часовне их не оставят голодными. И лошади их наедятся сена и напьются воды в таких количествах, что потом не поднимут головы.

Себастьян, как и прежде, старался ехать позади всех, полностью абстрагировавшись от действительности. У молодого паладина над голодом преобладало желание поскорее закончить это паломничество и больше не пересекаться ни с кем из присутствующих.

Себастьян смотрел, как дорога постепенно покидала сплошной лесной массив. Теперь же вокруг расстиралось просторное редколесье и зеленые равнины, постепенно покрываемые сумеречным, синеватым цветом. Не пройдет и часа, как на небосводе появятся первые звезды, похожие на маяки, которые зажигаются с помощью божественных огней. Ночи пока еще стояли

теплые и ясные, а значит, было вполне возможно насладиться красотой небесного простора, которой, конечно же, юноша не насладится.

Ему приходилось возвращаться на землю, особенно если она вдруг начинает исчезать. Холмистая местность, окружавшая столицу, прерывалась. Об этом свидетельствовал крутой спуск с горки и выгоревшая на солнце надпись на поеденном насекомыми деревянном указателе:

«Эйджгейт – семьдесят четыре мили на запад. Кайндхиллс – девяносто две мили на восток».

Усталые лошади немного подались назад, подальше от края спуска. Юноши его не боялись, но учли, что было бы лучше съехать с горки аккуратно и медленно.

Себастьян, только увидев спуск, сразу вспомнил о том, что несколько лет назад, когда на лето его как послушника отпустили домой, в Поместье Ардентэл, любимая матушка преподнесла ему в подарок причудливые ботинки, напоминавшие деревянные сабо, но с дополнительным элементом – четырьмя колесиками. И вот мальчик встал на них и поехал вниз по одной из улиц города Вайнривер, чтобы потом с разбитыми в кровь коленями лежать на брусчатке возле пекарни.

Тобиас сухо заметил:

– Вижу часовню.

– Наконец-то! – воскликнул Стевин.

Старший паладин указал ладонью на почерневший от дождей купол, что увенчивала перекрестная цифра десять – символ Людских богов, ибо их количество равно одному десятку.

Преодолев спуск и успокоив лошадей, которые, видимо, из-за него занервничали, отряд перешел на бодрую рысь, решив побыстрее достигнуть конечного пункта. Юноши ожидали увидеть вычурный, белокаменный храм, а набрали на ветхую, почти заброшенную церквушку.

Когда всадники, наконец, подъехали поближе к церкви, то увидели возле покосившегося забора, что огораживал ее территорию, еще один старый указательный знак, на котором были едва различимые буквы. Однако при ближайшем рассмотрении стало понятно, что надпись на восток гласила: «Бес-трактир «Долгоносый восток».

Собратья переглянулись. И впервые глазами Себастьян столкнулся с Лаитоном.

– Бес-трактир? – удивился последний.

Себастьян хорошо знал, что означает это выражение. Его не встретишь в рукописях и книгах. Так не станет выражать седовласый мудрец. Простонародное выражение, обозначающее заведение самого мерзкого быта, где куски мяса смердят, хлеб покрывается плесенью, словно трава инеем в первое морозное утро, а вместо постели постояльцу предлагают пропитанные мочой охапки соломы. Однако, что странно, никакой хозяин не назвал бы свой трактир бес-трактиром по собственной воле. Впрочем, наверняка он просто насмеялся над путниками таким образом. С умением присущим Стевину. Вокруг ни одной таверны, только бес-трактир, а, как известно, лучше спать в луже дерьма, чем среди диких зверей.

– Сэр Тобиас, давайте проскачем дальше, – предложил Клайд.

– Издеваешься, Клайд? – поморщился Стевин. – После посещения бес-трактира ты вместо Смиренной молитвы будешь проклинать Темных богов, сидя в кустах!

– Я ночевал и питался в детстве в местах хуже, чем самый бесовский бес-трактир! – огрызнулся Клайд, оскалившись как волк.

– Как бы там не было, но туда мы не поскачем.

– Нас точно накормят? – осведомился Клайд.

– Не в стиле служителей часовни Ординума оставлять молодых паладинов голодными, – улыбнулся Тобиас, как бы призывая довериться своим словам, а затем строгим, орлиным или, скорее всего фениксовым взглядом, взгляделся в каждого из юношей и четко произнес:

– Смиренную молитву нужно начать и закончить.

У Себастьяна от последних слов мастера засосало под ложечкой. Он насупился и вдохнул воздух через нос одновременно с Робеной. Только после этого он заметил, что кобыла слегка нервничает. Она копытом била по земле, вздыбливая траву, и вертелась из стороны в сторону. Юноша огляделся и заметил, что лошади остальных делают в точности то же самое. Один жеребец Тобиаса был невозмутим, как и всадник, что восседает на нем.

Достойному паладину – достойного коня, как говорится.

Жаль того же нельзя сказать о часовне. Молодой паладин внимательно оглядел деревянную, невысокую церковь, которая выглядела весьма ветхой. Некоторые окна даже были забит почерневшими досками. К тому же архитектура часовни имела простую, прямоугольную форму. Она напоминала вкопанный в землю деревянный кол, на котором зачем-то проделали окна, увенчали колокольней и дырявым куполом.

Достойным паладинам – достойный храм.

Вероятно, Тобиас когда-то проходил Смиренную молитву в мраморном храме, украшенном мозаикой из золота и серебра. А юноша не паладин, он недостоин чего-то большего, чем сгнившая часовня.

Забор, построенный из заостренных бревен, больше походил на ряд частокола, чем на мирную ограду. Ворота, проторившие под собой черную почву, закрывались не на замок, створки просто были связаны друг с другом холщовой веревкой. Себастьян только окинул ее небрежным взглядом, а нервные окончания его пальцев уже почувствовали противную шершавую поверхность и вздрогнули в судороге.

– Мда... Меня не оставляет чувство, что часовня заброшена, – высказал свое предположение Стевин поморщившись на здание, не он один медлил с тем, чтобы попасть в нее.

– Нет, – возразил Тобиас. – Это владения Седрика-Змееносца... Не думаю, что часовня в его феоде может быть заброшена.

Голос старшего паладина был напряжен, точно тетива, хотя Себастьян видел в его глазах надежду.

– Хотя не одного тебя, Стевин, смущает внешний вид часовни. «Кто выше королей? Боги всех выше. Тогда почему их жилище должно выглядеть менее богато?» – так всегда отвечал Духовный магистр. И у меня складывается впечатление, что настоятель, прослушав первые слова магистра, запомнил только последние: «Поселите короля в лачугу, тогда сможете строить хибары для богов».

– Но, сэр, быть может...

– Давайте проверим, наконец! – выпалил Клайд, параллельно успокаивая изглодавшую кобылу каблуками в бока, и закричал. —Эй, вы там! Паломников встречайте!

– Было бы кому встречать... – разочарованно насупился Стевин и скрестил руки на груди, будто от этого урчащий желудок умолкнет.

Однако, специально для Стевина, из часовни выскочил, завязывая на бегу поясok на латаных портках, худенький мальчик лет четырнадцати с рябым лицом. Он в две секунды был у ворот и наспех развязывал веревку, стараясь улыбаться паладинам желтыми зубами.

Тобиас в ответ благодарственно кивнул и вместе с остальными въехал на территорию.

Внутренний двор часовни целиком порос высокой травой и сорняками.

Никакого стойла не было и в помине, не говоря уж о конюшне. У покосившегося здания, что в прошедшем тысячелетии было трапезной, но теперь превратилось в сарай, стояли корыта, заполненные водой и овсом. Любое другое хозяйство в виде амбаров или загонов со свиньями – отсутствовало.

В мыслях Себастьяна мгновенно промелькнуло воспоминание о бес-трактире. Его название было насмешкой. Часовня же казалась сплошной черной шуткой, чернее, чем черная ночь, запутавшаяся в шерсти черной кошки.

Она и трактир будто говорили, причем голосом Клайда: «Ах, не хочешь ночевать у нас, беги к соседям, изнеженный заморыш! Только у них не лучше, можешь поверить. Тебе придется поверить, заморыш!».

– Мальчик, пожалуйста, позови настоятеля, – по-отцовски ласково попросил Тобиас. – Если, конечно, здесь имеется таковой.

Мальчик судорожно закивал, быстро подбежал к часовне, споткнувшись на ступеньках, и забарабанил в двери. Не прошло и полминуты, как из здания, грубо отталкивая мальчишку в сторону, вышел, как это ни парадоксально, отталкивающий человек.

По его сероватой рясе и медальону на шее, имевшему форму цифры десять, можно было сказать, что он священник. Только обычно столь омерзительными, выглядели завсегда-таи бес-трактиров Эйджгейта. Худощавое, точно высохшее тело. Дрожащие с похмелья руки, покрытые коричневыми пятнами. Редкие, сальные волосы, прилипшие к лоснящейся макушке и покрасневшее лицо, покрытое недельной щетиной, отеки возле глаз и синяки под оными. Священник совершенно не напоминал того добродушного, розовощекого мужчину с лучезарной улыбкой на лице, что приходился настоятелем Храма Людских богов в Эйджгейте. И не походил на седовласого настоятеля часовни Ординума при Ордене Феникса Порядка. Последний и сам в прошлом был паладином, как Себастьян. Нет, абсолютно другим. Настоятель часовни при Ордене был настоящим паладином, а Себастьян он так, как обидно выражается Клайд, заморыш.

В общем, настоятель придорожной часовни оставлял желать лучшего.

Он подошел к паладинам, которые к тому моменту уже нехотя слезли со своих лошадей, и поздоровался, наигранно открывая рот в беззубой улыбке:

– Приветствую вас, добрые рыцари, в скромной обители, придорожной Часовне Ординума!

Изо рта священника резко понесло алкоголем, только смешанным с запахом чего-то протухшего. Себастьян и Стевин невольно прикрыли носы руками. Клайд только цокнул языком, а Лаитон с Тобиасом остались невозмутимыми. Как и их лошади. Три другие. Робена, мерин Стевина и кобыла Клайда, забыв о хозяевах, усталой поступью направились к корытам, попутно выдергивая зубами высокую траву.

– Доброго вечера, отец-настоятель, – ответил Тобиас, пытаясь выдать улыбку. – Только мы не рыцари, мы паладины. Если вы позволите, мы бы предпочли разделить здесь трапезу, а затем провести ночь в Смиренной молитве. Это возможно?

– Конечно! Для гостей наша часовня всегда открыта, тем более для рыцарей, – произнес настоятель и без причины засмеялся. – Боги Дня никогда не прогоняют страждущих помолиться, помогают бедным, заблудшим, забытым и одиноким.

«Боги дня?» – раздалась одинаковая реплика в разуме всех паладинов.

Тобиас удивленно оглянулся на юношей. Они точно также, вылупившись, глядели на него, ожидая реакции. Левый глаз Клайда нервно подергивался, его правая рука сама собой тянулась к холодному оголовью меча, висевшего на поясе. Но Тобиас покачал головой.

Себастьян помнил, что иногда Людских богов называли Богами Дня. В Холихате, королевстве, где процветает множество религиозных культов, в королевстве, в столице которого помимо Храма Людских Богов возведен подземный храм дворфийского бога Фьора, а в парке, закрывая глаза, общаются с духами лесные эльфы, никогда не называли Людских богов Богами Дня. Хотя они, в сущности, боги дневного света, их сила кроется в дне. А ночь – время Темных богов, потому тех можно назвать Богами ночи.

Еще тысячу лет назад, об этом хорошо знали все пятеро паладинов, власть богов ослабевала на ночь, дабы дать человеку время свободы. Но затем случилась война, получившая названия Всея, ибо коснулась всех, и все изменилось. Теперь если звать Людских богов Богами Дня, значит лишний раз, пусть не специально и без злого умысла, напоминать о том, что власть

богов сильна до тех пор, пока ночь не настанет. Значит они, Людские боги, не всеильны. Значит Темные боги, Боги Ночи, придут и унесут в Небытие...

Неграмотный крепостной крестьянин мог дать подобное название Людским богам, но священник...

– Меня зовут отец Дилан. Я, как вы уже догадались, настоятель! – протараторил священник, не заостряя внимания на Богах Дня и реакции паладинов.

– Сэр Тобиас Шумейкер, – представился в ответ старший, но руки не протянул. – А это новопосвященные. Лайтон Грассленд, Клайд Аннейм, Стевин Хеджхог и Себастьян Ардентэл.

– Интересно. Рыцари – редкие паломники нашей часовенки. А феникс? Герб вашего рыцарского ордена?

– Орден Феникса Порядка! – рявкнул Клайд. – И мы не рыцари, а паладины!

– Да, да, юноша я так и сказал, – небрежно оправдался отец Дилан. – Добро пожаловать, рыцари!

Клайд уже напряг кулаки, но Тобиас, повернувшись к нему лицом, положил руку на плечо юноши и взглядом сказал, что не стоит.

– Господин, то есть сэр... эээ – долетело от священника старшему паладину.

– Тобиас, – поправил старший паладин.

– Да, Тобиас. Вы же проголодались?

– Как же вы догадались? – теряя терпение, саркастично выкрикнул Стевин, он стоял, опираясь одной рукой о задание не то трапезной, не то сарая, но Тобиас шикнул на него.

– Рябой! – окликнул отец Дилан мальчика. – Не стой, привяжи коней, накорми гостей!

– С лошадьми мы сами справимся, – отказался Тобиас и, взяв своего жеребца под уздцы, повел к корытам.

Себастьян взял поводья Робены и краем глаза заметил, как отец Дилан дал подзатыльник мальчику и что-то ему сказал. Мальчик боязливо втянул голову в плечи и закрыл глаза. Что же касается юноши, его без того угнетенное состояние усугубилось, душа превратилась в один сплошной сгусток отрицательной энергии, умеющей только испытывать гипертрофированное отвращение.

Пока Себастьян неловкими, дрожащими руками привязывал поводья кобылы к ржавому гвоздю, торчащему из гнилых досок сарая-трапезной, он услышал диалог между Лайтоном и старшим паладином. Диалог, какой священник не воспринимал ушами, покрытыми клочками сухой, отмирающей кожи. Или не хотел воспринимать.

– Думаете, он опасен? – тревожно осведомился Лайтон, возясь с седлом своей кобылы: снимая сумки, расстегивая крепёжные ремни и развязки.

– Едва ли, – сомневался Тобиас. – Он странный. К тому же пьяница. Поэтому правильно, Лайтон, делаешь, что забираешь сумки с собой. За наше вооружение на базаре краденого дадут хорошую цену.

Затем, подумав, старший паладин добавил, обращаясь ко всем на полутоне:

– И вы свои заберите.

– Я щит с собой не потащу! – возмущенно отказался Стевин.

– Попробует украсть что-нибудь у меня, расплачиваться будет зубами! – заверил Клайд, чрезвычайно громко.

Тобиас оглянулся на отца Дилана и приветливо улыбнулся.

– Дело ваше, паладины, – отмахнулся старший паладин, уже порядком уставший давать советы и воспитывать за сегодняшний долгий день. Он молча расчехлил треугольный стальной щит, обтянутый белым сукном с красным гербом-фениксом по центру.

Затем снял седло, отнес его к ограждению, оставил там и направился к трапезной. Его рука потянулась к дверной ручке, но словно из-под земли, как початок картофеля, возник

рябой мальчишка и с галантностью слуги открыл дверь перед старшим паладином самостоятельно.

– Спасибо, мальчик! – поблагодарил Тобиас, и мальчик улыbnулся во весь рот.

Старший паладин тотчас округлил глаза и стиснул зубы, резко разворачиваясь на месте.

При этом латы и звенья кольчуги звонко забряцали, так звонко не звонит даже колокол.

– Где его язык?! – грозно выкрикнул Тобиас.

Отец Дилан вздрогнул и мигом подскочил к мальчику, заботливо укладывая свою ладонь на его плечо.

– Не нужно кричать, не нужно кричать, рыцарь. Его родители были извергами, он много кричал и плакал в младенчестве, и однажды мать, ворожея, вырезала ножом язык из его рта. Ведь так?

Мальчик быстро закивал головой, сотрясая в ней мозги, а на его глазах проступили слезы.

– Я расскажу поподробнее, если хотите. Проходите в трапезную скорее.

Тобиас сощурил глаза, но в трапезную вошел, перекидывая через плечо треугольный щит. За ним в нее юркнул, страдающий от любопытства Стевин. Мальчик без языка его заинтересовал сильнее, чем могли заинтересовать девушки.

Лаитон, Клайд и Себастьян остались одни уз своих расседланных к тому моменту лошадей. Лаитон достал из своей сумки мехи с водой, сделал большой глоток и тихо пробормотал, обращаясь к Себастьяну и Клайду:

– Собратья, я вам так скажу. Я слышал, что священники в этой церкви почему-то часто меняются. Старые пропадают. Как все эти путешественники и поселения на тракте.

– Чего? – выпалил Клайд. – Ты что, веришь этим глупым сказкам? Это все ложь, любой тебе скажет.

– Может и так, но все равно мне здесь не нравится, – беспокойно оглядывая местность, пояснил Лаитон.

– Мне больше интересно, почему такого олуха настоятелем поставили? – спросил Клайд. – Он не отличает рыцарей от паладинов!

– Ну а кто, по-твоему, еще пойдет сюда? Судя по всему, приход маленький, доход еще меньше. Работа сложная. Скорее всего назначают тех, кто с грамотой хоть как-то знаком... А таких мало. Если все остальные еще и пропадают, так от отчаянья жители могут настоятелем сделать даже свинопаса.

– Одно хорошо, у этого типа, небось, есть чем согреться, – предположил Клайд, когда отнес свое седло к другим.

– Может, и есть, – согласился Лаитон. – Только не думаю, что сэра Тобиас позволит кому-либо из нас даже попробовать.

– Да, а я бы не отказался от кружки хорошего пивка... Хотя настоятель, наверное, жрет одно гнилое пойло, но я бы и его выпил, – признался Клайд, вытаскивая из своей сумки латные рукавицы.

– Только смотри при сэре Тобиасе это не скажи. А то придется и за его жеребцом убирать, – предупредил Лаитон и негромко засмеялся, после чего указал пальцем на рукавицы. – Это тебе зачем?

– На всякий. Может сегодня мой час. Не хочу пальцев лишиться.

– Думаешь? Сомневаюсь. Я тоже щит брать не стану. По мне, я бы и все доспехи сбросил. Хорошо хоть жары не было. И зачем сейчас быть во всеоружии, если мы даже не на задание приехали? Это, наверное, все то же орденское мнение, что паладины должны привыкать к доспехам.

– Да, местность здесь красивая, но внешний вид церкви подтверждает все эти слухи о пропадающих селах, – неожиданно для самого себя произнес Себастьян, обращаясь к Лаитону.

– Почему подтверждает? – заинтересованно спросил Лаитон.

– Так положено, – ответил юноша и едва заметно улыбнулся. – Заброшенные здания, заросшие поля...

– Ардентэл, может заткнешься? – агрессивно спросил Клайд, его глаза приняли форму глаз бешеного пса. – Стишок что ль очередной хочешь сочинить, как ездил к демону в зад и наткнулся на пьяного священника, гнилую церковь и лошадиное дерьмо?

Молодой паладин не стал отвечать, только покачал головой, бережно поглаживая свою лошадь. Наверное, она была его единственной отрадой...

– Одна дурь в твоей пустой голове! – процедил сквозь зубы Клайд, привлекая тем самым внимание Себастьяна. – А сам и меч в руках держать не умеешь. До сих пор гадаю, как такой заморыш смог пройти Испытание?

– Клайд, я... – начал было молодой паладин не поднимая глаз.

– Ну, все, кончайте это! – оборвал его Лаитон. – Клайд, прекрати, наконец. Ладно, послушником ты был, еще куда ни шло.

– Плевал я на то, что приятно этому знатному недоумку, а что нет! И пускай привыкает, только жизнь в стенах особняка хорошая. А в нормальном мире без злости даже улицу не перейдешь! – гневно выпалил Клайд и, потянув на себя дверь, ворвался в трапезную.

Себастьян угрюмо склонил голову.

– Себ, ты это... не обижайся на Клайда. Он ведь и не злой вовсе. Пускай о злости и говорит, – тихо произнес Лаитон, поправляя стопку сложенных седел.

– Я и не обижаюсь. Привык уже к его оскорблениям, – спокойно ответил Себастьян и выдал из себя огорченную улыбку.

– Пойми, у него была тяжелая жизнь, – продолжил Лаитон, в его глазах и голосе можно было заметить дружескую нотку. – Ты рос в заботе, у тебя есть семья. У него нет ни семьи, ни имени. Именно из-за такой жизни Клайд стал таким. Вся эта наигранная гордость и злость, все берет начало из детства. Не каждый выдержит питаться отбросами и спать на холодной мостовой...

– Я все это понимаю, Лаитон. Одно мне неясно, почему именно я? – пожаловался юноша, с целью подтвердить свои подозрения.

– Ну, ты аристократ, – предположил Лаитон. – А Клайд их и недолюбливает. Из зависти, наверное.

– Но ведь не единственный в орденах. Далеко не единственный, кто из аристократической семьи, – заметил Себастьян.

– Не обижайся, Себ, но ты не паладин, – признался Лаитон и посмотрел собрату в глаза. При этом его взгляд был направлен вниз, так как этот паладин был значительно выше Себастьяна. – Думаю, если ты вернешься в реальность, то сможешь добиться успеха. Нужно жить здесь и сейчас, тогда чего-нибудь добьешься.

– Я не хотел этой судьбы. Я хотел быть менестрелем! Меня всегда привлекало быть создателем баллад, а не их участником, – пробормотал молодой паладин, перевязывая волосы.

– Я знаю, – убежденно сказал Лаитон. – Мне Алекс рассказывал. Только поздно, ты уже дал присягу.

Юноша не стал ничего отвечать, только пожал плечами.

– Пойдем, Себастьян, – позвал Лаитон, видно, не желая продолжать тему разговора. – Сейчас поужинаем, да приступим к Смиренной молитве. В ней все плохое забывается.

– Я сейчас, только заберу сумку, – пообещал Себастьян.

– Ну, давай, я тогда пойду. Не задерживайся, скорее начнем, скорее закончим, – сказал Лаитон и сделал шаг из стойла, однако обернулся и добавил. – Если хочешь, чтобы Клайд относился к тебе с большим уважением, то хотя бы посмотри ему в глаза. Помогает.

Паладин по-дружески улыбнулся и ушел. Себастьян посмотрел ему вслед. Лаитон оказался достаточно хорошим человеком. Может, и недоверие к нему неоправданное? Себастьян улыбнулся. Он сделал вывод, что, может, все образуется, жизнь наладится. Теперь у него может появиться еще один друг, который станет верным соратником в битве. И сложная судьба постепенно превратится в отраду. Наверное, Ординум все-таки помогает. Пускай не сразу и незаметно. В груди молодого паладина засиял теплый огонек надежды. Юноша с радостным чувством погладил кобылу Робену и произнес ей напоследок:

– До встречи, Робена, – попрощался молодой паладин с лошадей, от чего та в ответ приветливо фыркнула и пошевелила ушами, – Утром свидимся!

Себастьян поправил на поясе ножны с мечом, перекинул через плечо щит, подтянул кожаные лямки, на которых он висел, вобрав побольше воздуха, вошел в трапезную. Его поступь была гораздо увереннее, чем еще несколько минут назад. И даже звон отягощающей и сковывающей движения брони стал более приятен слуху.

***

За окнами, ведущими прочь из часовни, слышалось стрекотание сверчков. Где-то вдалеке кричали козодой и филин. Выли стаи голодных волков и свирепых варгов...

Всю дорогу отряд паладинов сопровождала заупокойная тишина, но стоило ночи опуститься и сразу же, в то же мгновение, возникли разные зловещие шумы.

Прохладный ветер тихонько колыхал локоны каштановых волос Себастьяна, спадающих на лицо. Вместе с ветром сквозь многочисленные щели в главный зал часовни проникал неприятный, зяблый холодок, предвещающий скорые холода. Ветерок трепал пламя свеч в высоких канделябрах. На стенах шевелились тени церковного убранства и самих паладинов.

Себастьян, выпрямив спину, как и остальные, стоял на коленях с закрытыми глазами — он совершал Смиренную молитву. Тобиас наказал всем юношам максимально хорошо выдержать ее, не уснуть, не открывая глаз и не двигать даже пальцами. Во время Смиренной молитвы разрешается лишь дышать.

Молодой паладин старался, пытался вернуть то состояние на Испытании, когда он смог не открывать глаз, молчать и сидеть без пищи и воды на холодном полу Храма Людских богов двое суток. Однако в данную ночь боги, Ординум, не приходили на помощь. Себастьян тайком открывал глаза на несколько секунд и оглядывал прямоугольный зал, которому надлежит быть круглым, кольцеобразным.

По центру, как и положено, стояла статуя Верховного бога Ординума. Но она была небрежно вырезана из дерева, примитивна словно идол. Крылатый колокол в левой руке Верховного бога больше походил на крылатое, простите боги, ведро. А крылья за спиной Ординума выглядели перепончатыми, как у летучей мыши, хотя всегда их делали птичьими.

Недаром же Ординума в народе звали Крылатым богом.

Юноша слышал, что именно по этой причине два паладинских ордена: Феникса Порядка и Солнечного грифона избрали своим символом крылатых созданий. Одна художница, имя ее Себастьян не помнил, однажды брезгливо заметила, что крыльев на паладинах чрезвычайно много. Медальон в виде крылатого колокола, пикирующий феникс на груди... Но речь не о ней, и не о крыльях. Речь о статуе.

Хуже всего в ней было то, что она имела лицо под капюшоном.

А это непростительное богохульство!

Никто не знает лиц Людских богов, поэтому вместо лица всегда изображалось солнце, как символ того света, что исходит от них.

А в этой церквушке все было как тысячу лет назад, еще до Всея Войны!

С каждой секундой, отведенной на Смиренную молитву, Себастьян все больше убеждался, что в последний раз литургия в часовне совершалась еще в конце прошлого тысячелетия, когда он, Себастьян, появился на свет.

Запах священных масел и свежей краски давно улетучился, уступив место запаху сушеных трав, от которого щипало в носу и, конечно, алкоголя. Юноша не знал, что думают остальные, находящиеся рядом паладины, но лично ему показалось кошмарным не только наличие спиртного в часовне, а еще отсутствие даже скудного иконостаса. Алтаря, конечно же, тоже не было...

Еще юноша, пока отвлекался от молитвы, заметил странный люк в левом углу. Зачем же строители устроили его здесь, было неясно...

Обшарив глазами вокруг, Себастьян поймал себя, наконец, на том, что только и делает, что периодически открывает глаза и приглядывается то к одному, то к другому. Обычно в Храме Людских богов юноша во время литургии чувствовал, как по нему, распространяясь по всему телу, движется тепло, душа находится в полном единении с плотью, а все проблемы и дурные мысли уходят...

Может все из-за того, что часовня – это очередная насмешка, насмешка над самими богами?

Себастьян прекрасно знал, что после того обучения, что он прошел, молитва в любом месте и положительные мысли вкупе с сосредоточением, дают удивительный результат. Они, словно горячий напиток, что излечивает простуду, избавляют от всех ран, как духовных, так и телесных. Сегодняшняя, вымученная молитва, была черной, она приобрела клыки и когти, которые врезались в душу. Точно юноша воздавал литания Темным богам...

Господь мой, верховный Оридинум, Ты есть святая опора моя, Ты есть незримый учитель мой, щит мой, защити олицетворяющий. Колокол мой, к порядку зовущий...

– Нет, это совершенно невозможно, – внезапно раздался голос мастера Тобиаса.

Все юноши разом открыли глаза, но подниматься с колен не спешили.

– Я не знаю в чем дело, но мне ну просто никак не дается молитва! Никогда такого не было! – задумчиво высказался старший паладин, – А вы как там?

– Тоже самое... – проямлил Себастьян.

– Ага. Тоже самое, – подтвердил Клайд, – Даже Ардентэл понимает.

– Такое ощущение, что я молюсь Темным богам! Так тяжело на душе... – признался Лаитон.

– И что же делать, сэр? – спросил Стевин.

Старший паладин провел рукой по бороде и оперся на кулак.

– Вот что, поедем-ка отсюда...

– А как же Смиренная молитва? – забеспокоился Лаитон.

– Что-нибудь придумаем.

Хлоп! Хлоп! Хлоп! Хлоп!

Оконные ставни разом захлопнулись наглухо.

Несколько свечей резко потухло и резко вспыхнуло зеленым пламенем. Пламенем Небытия.

Люк со скрипом отворился, и из него поднялись две черные фигуры. В черных балахонах и черных масках. На их груди была вышита спираль...

Вышита человеческими сухожилиями.

Как только Себастьян ее заметил, все сразу встало на свои места.

Тобиас выхватил из ножен меч.

– Встаньте за моей спиной и придвинетесь к стене... – вполголоса приказал старший паладин. – Нас отсюда не выпустят.

Все юноши кроме Себастьяна двинулись назад. Он находился в состоянии такого глубокого потрясения, что его мышцы парализовало.

– Тупица, Ардентэл! К стене, кретин! – брызжа слюной зарычал Клайд.

Сектанты захохотали, ткань их масок зашевелилась. Но в глазах не было смеха, сплошное безумие.

Юноши отступали к стене, Тобиас быстро схватил щит в свободную руку, он встал перед новопосвященными паладинам, загораживая всех четверых.

– Стойте за моей спиной и никто к вам не приблизиться! – повторил он.

Юноши вооружились и застыли на месте. Себастьян не мог даже дышать, Стевин дышал беспокойно, а дыхание Клайда и Лаитона напоминало дыхание разъяренных псов.

Из коридора в зал влетел отец Дилан и свалился на пол. Далее вошли еще четверо, загородив единственный выход. Двое выглядели так же, как и те, что поднялись из люка. Типичные служители Темных богов. Еще один был огромный, под шесть футов роста, одетый в броню из толстой и крепкой кожи. В его руке болтался цеп с тяжелым, покрытым острыми шипами шаром на конце цепи. Не сектант, а, скорее всего, наемник. Громила ухмылялся волчьим оскалом и играючи вертел оружие в руке.

Впереди всех стоял, по всей видимости, предводитель отряда. Высокий (скорее вытянутый), стройный (скорее худощавый) человек, неопределенного возраста, в тонкой вороненой кольчуге. Его кудрявые волосы были аккуратно уложены и зачесаны назад. На шее человека висел спиралевидный медальон, украшенный черными камнями. На поясе же, слева, был заметен одноручный изящный меч в дорогих ножнах. Справа маленький, легкий самострел, а из мешочка торчали наконечниками вверх болты. Человек выглядел достаточно аристократично.

– Господин Седрик, Змей, пожалуйста, не убивайте! Я же не знал! – всхлипывая и дрожа, прокричал священник, сидящий на полу.

– Глупец! – холодно выругался предводитель звонким и достаточно высоким голосом. – Ты, недоумок, сказал нам про рыцарей! Но раскрой свои слепые глазенки, это же паладины!

Седрик подошел к настоятелю и ударил кабулком по его лицу, отчего последний снова завалился на пол.

– Гггосподин... Я н-н-не х-хо-т-тел... – заикаясь, произнес отец Дилан, тяжело дыша и утирая кровь, текущую из носа. Седрик не обратил внимания на мольбы настоятеля, просто и быстро вытащил меч и перерезал ему горло. Из артерии хлынул фонтан густой крови. Он окрасил лицо и кольчугу предводителя, отдельные капли разлетелись по полу. Красная жидкость пузырилась, вытекая из раны, стекала на серую рясу и, как болотная жижа поднималась из рта и носа хрипящего и клокочущего священника.

Седрик глазами смерил паладинов.

– Что нам с вами делать, а? Убить? Принести в жертву? Распять? Сожрать? Жаль, вы не девки – не изнасилуешь.

Страх Себастьяна ушел, вместо него началась паника. Все тело дрожало, дыхание сперло, внутренности сводило в какой-то дикой судороге. От вида мертвого тела залитого кровью организм содрогался. Затем разум начал покидать юношу, а дыхание участилось, все приемы, выученные за семь лет изнурительных занятий, исчезли, испарились как сновидение, оставляя после себя лишь смутные воспоминания. Себастьян не хотел верить и не верил, что этот момент настал.

Юноши ехали к Смиренной молитве, а попали на бойню.

Клайд был решительнее остальных. Пока Тобиас оценивал ситуацию и думал, как защитить новопосвященных, а Себастьян боялся, их собрат уже выбрал тактику. Свою любимую.

– Мерзкие сектанты, суки вы дети! – проревел юноша и с громким воплем неистовой ярости бросился прямо на предводителя отряда, заноса над ним меч.

– Стой, Клайд, нет! – вскрикнул Тобиас, но, увы, сделал это слишком поздно.

Для тех, кто видит битву со стороны, она кажется короткой. Для бойца, для непосредственного участника, каждое сражение невероятно долгое.

Вот и сейчас, не успели остальные паладины что-либо предпринять, как услышали лязг цепи, в воздухе просвистел шипованный шар, мелькнул удар, и Клайд с грохотом свалился на пол.

Оружие разбило, нет, пробило, голову новопосвященного. На лбу и на виске возникла уродливая рана – проломленный череп, из которого сочилась кровь и мозги.

Глаза юноши оставались открытыми, они отражали в себе огоньки свеч, мертвые огоньки в мертвых глазах. Себастьян с безумным ужасом смотрел на собрата, собрата, Людские боги, что еще совсем недавно дышал, говорил и двигался.

– Вы сами выбрали свой путь... – словно бы огорченно произнес Седрик-Змей.

Он щелкнул пальцами.

– Убейте мальчишек, во имя Темных богов, убейте! А этого оставьте, я принесу его в жертву!

К четырем паладинам медленно, как бы предвкушая, приближался отряд сектантов во главе с наемником. Он раскручивал цеп. Сектанты вертели ритуальными кинжалами и боевыми косами.

Громила отвел, похожую на дубовое бревно, лапу и взмахнул цепом, надеясь зацепить всех разом, кроме Тобиаса, но тот порывисто предотвратил удар, приняв тяжелый шар стальным щитом.

Удар, вкупе с той силой и злобой, без остатка вложенной в него, получился настолько мощный, что старший паладин, чуть не потерял равновесие, а дробящее оружие оставило большие вмятины на щите, разорвало феникса на белой ткани.

Четыре сектанта перешли в наступление. Они пытались пробиться к юношам, но старший паладин, метался из стороны в сторону, словно вратарь во время игры в мяч. Он защищал новопосвященных, как ворота.

Вдруг Себастьян услышал потусторонний, мистический шепот.

ОТОМСТИ... ЗА СВОЕГО СОБРАТА... ОНИ УБИЛИ ЕГО... ТЫ СМОТРЕЛ... ОТОМСТИ... ИСКУПИ СВОЮ ТРУСОСТЬ!

Страхи Себастьяна был сильнее ментального зова. Чего нельзя было сказать об остальных.

Из тени, из-за спины старшего паладина, который прикрывал их, как только мог, юноши, выпрыгнули в зеленый свет Небытия.

– Нет! – выпалил Тобиас.

– Отправляйтесь в Небытие, ублюдки!!!

Лаитон в прыжке вытянул ногу, один из четырех сектантов, получив удар в живот, расставил руки и пошатнулся, отступив назад.

Юноша был готов пронзить его в любой момент, целя прямо в спираль. Но справа летел металлический шар цепа. Лаитон присел.

Стевин пытался атаковать двух сектантов, что похихикивая, окружили его. Он не парировал, уклонялся от атак, затем бил в ответ.

Колющий удар, режущий удар, рубящий удар!

Сектанты, как черные ужи, ловко уходили от каждого и мгновенно били снова. Стевин тяжело дышал, корчил истошные рожи и его глаза беспокойно бегали, следя за обоими врагами.

Старший паладин защищал юношей от громилы, Лаитон выпрямился и парировал удары, несущиеся с двух сторон.

Мечи, лезвия, кинжалы свистели без умолку! Косы раскручивались, как лопасти ветряной мельницы в ураган. Лаитану едва хотело сил, чтобы уходить и отступать.

Стевин отражал удары со спины и спереди.

Сектанты рубил от плеча и постоянно, когда удар достигал клинков юноши рука, держащая их, вздрагивала, ровно как и все тело. Враги метили в шею, в грудную клетку, надеясь разрубить прочную кольчугу.

Старшему паладину удалось облегчить бой Лаитона, ловко и без колебаний воткнув меч в подмышку одного сектанта, отчего тот успел только вскричать и тут же упасть мертвым. Лаитон сумел воспользоваться ситуацией и убил второго, потому как последний, явно не ожидавший смерти своего приятеля, на секунду остановился. Этой секунды хватило, чтобы вскрыть ему грудную клетку, уничтожить ненавистную спираль на балахоне и забрызгать его кровью.

Стевин же еще продолжал сражаться со своими противниками. Юноша ударил одного кулаком в челюсть, тот пошатнулся.

Громила понесся с цепом на Себастьяна, тот выронил меч и закрылся руками. Юноша уже приготовился разделить участь Клайда. Тобиас воспользовался ситуацией. Под удар попал сектант, которого Тобиас толкнул сапогом в живот. Враг принял на себя всю мощь стального шара, что прошел ему по лицу и груди.

– Ардентэл, мать твою, сражайся! – выкрикнул Стевин.

И тут же арбалетный болт, выпущенный Седриком-Змеем, разрезал воздух и пробил насквозь его ладонь. Юноша, вопя, выронил меч и согнулся пополам.

Его последний противник, сектант, за подбородок потянул юношу к себе, сделал выпад и в один миг воткнул кинжал в глаз паладина. Стевин выдавил из себя что-то невнятное и повалился на спину. Теперь из его глазницы торчала рукоять кинжала и вытекала кроваво-белая жижа.

Себастьян увидел это и понял, что начинает задыхаться. Ему становилось все хуже, он больше не хотел битвы. Тело, повинувшись слепым инстинктам, начало сползать по стене, а разум покрывала темная пелена забвения.

Громила замахнулся цепом еще раз, но и сейчас его удар не достиг цель. Тобиас отсек держащую оружие руку и без ожиданий проткнул мечом кожаный доспех в районе живота, одновременно с этим щитом поймав еще один арбалетный болт. Громила испустил басистый стон, схватился левой рукой за ранение, из которого вытекала густая, грязная кровь. Враг упал на колени, его глаза закатились, а тело завалилось на бок. Тобиас же на всякий случай воткнул меч ему в шею.

Лаитон же, пока старший паладин добивал громилу, отомстил сектанту за собрата Стевина, снес вражью голову, скрытую маской.

Изнеможенный Себастьян сидел на полу, поджав под себя ноги, сипло и обрывисто дышал, отсутствующим взглядом рассматривая трупы, лежащие вокруг и пол, изрисованный кровавыми разводами и ошметками плоти.

Раздались громкие аплодисменты. Предводитель Седрик, стоящий возле противоположной стены, был обрадован результатом сражения.

– Красивый бой! Смотрите все, рабы Богов Дня, адепты Ординума, предались греху неистового гнева! И после этого нас называют Абсолютным Злом?! – злорадно и весело восклицая, произнес он и вскинул рукой, держащей самострел.

Тобиас грозно взглянул на него исподлобья. В два широких шага старший паладин достиг противоположной стены, но к своему жуткому удивлению, от которого на вспотевшем теле выступил новый, холодный пот, никого у нее не обнаружил кроме собственной длинной тени, переходящей под свод крыши. Тобиас развернулся.

Змей уже стоял в дверном проеме. Старший паладин метнулся туда. Но вспышкой Седрик оказался возле выживших юношей.

Он отсек вооруженную руку Лаитона. Паладин закричал. Змей встал за его спиной и приставил к горлу лезвие меча. Самострел Седрик направил на бледного, почти мертвого, Себастьяна.

– Стой на месте, святоша. Ты же не хочешь потерять последних?

Тобиас молчал и с ненавистью глядел на врага.

– Убей себя, и я отпущу их. Пусть бегут в Орден.

– Нет, не надо! – закричал Лаитон.

Седрик прижал лезвие к шее юноши, на коже остался кровавый след.

Тобиас молча отбросил щит и повернул меч острием к себе.

– Ну же, смелее! – подзуживал Змей.

Тобиас закрыл глаза. Меч просвистел в воздухе, перекручиваясь через себя, он полетел прямо в Змея.

И вонзился в древесину. Седрик уже стоял за спиной Тобиаса. Тот перекатился по полу, схватил щит, чтобы остановить рубящий удар.

Но щит раскололся. Острие меча перечеркнуло лоб Тобиаса, кровь моментально залила глаза. Лезвие прошло до самого черепа.

Тобиас упал на спину, откатился на несколько фунтов, схватил первый попавшийся под руку меч и вскочил на ноги, стерев кровь со лба и глаз.

Старший паладин и Седрик помчались навстречу друг другу. Змей отбросил самострел и тот распался на части, стукнувшись об стену. Сектант и паладин, как два непримиримых врага, которыми они и были, скрестили мечи и прижались друг к другу, хрипя и рыча.

Лаитон выл, держась за остатки своей руки. Себастьян уже ничего не соображал.

Лезвие Тобиаса трещало, вот-вот оно должно было развалиться. Седрик харкал ему в глаза и его вязкая слюна смешивалась с кровью. Старший паладин свободной рукой, сжатой в кулак, лупил Змея, но тому было все равно. Ни один его мускул даже не шелохнулся. Тобиас словно бил камень.

ТЫ ХОРОШО ПОСЛУЖИЛ ...НО ОН МОЙ

Седрик отпрыгнул назад и истерически засмеялся. Он отбросил клинок и расставил руки, предоставляя себя Тобиасу.

Старший паладин, как разъяренный бык, на бегу вонзил меч прямо в солнечное сплетение противника, тот завалился на идол Лжеординума, и уже вместе они приземлились на пол.

– Черная тень не исчезнет... – прошептал Седрик перед смертью.

Тобиас упал на колени.

– ААААРРРР! – закричал он истошно, подняв голову к потолку.

Старший паладин отбросил меч и обернулся к юношам.

Себастьян тяжело дышал. Он лежал, собравшись в комок, как в утробе матери, куда хотел вернуться. Лаитон всхлипывал и смотрел на отрубленную руку перед собой.

– Пора домой, пора домой, – медленно проговорил старший паладин. – Черная тень... Церковь Темных богов... Ординум...

Себастьян еле сдерживал слезы и эмоции, которые хотелось выплеснуть. В битве некогда плакать, но после нее слезы идут сами собой. Скорее льются, а не идут.

– Надо сообщить в орден о распаднике сектантов... – с трудом сказал Лаитон, останавливая кровь, которая хлестала из кисти.

Тобиас оторвал от накидки кусок и протянул юноше.

– Перевяжи... – тяжело дыша произнес он.

Затем старший паладин подошел к телу Клайда. Осторожно закрыл его пустые глаза и поцеловал холодный лоб. Губы Тобиаса зашевелились. Слова, которые он произносил, были словами Смиренной молитвы, неоконченной молитвы.

Себастьян встал и посмотрел на тело Стевина. Теперь на его лице не было улыбки, в глазах больше не бегали озорные смешинки. Лоб, к которому Себастьян, следуя примеру, прикоснулся губами, все еще покрывали капельки пота. Теперь в одном глазе вместо смешинки находился короткий кинжал, а щеки и нос были залиты смесью из крови, пота и непонятной слизи, что вытекала из глазницы. Себастьян хотел вытащить кинжал, а после и болт из ладони, все еще держащей меч.

– Ардентэл, почему ты не сражался? – спросил Лаитон, вертя отсеченную длань в целой руке.

Себастьян молчал, заливаясь слезами... Все встало на свои места. Часовня была не просто насмешкой, это был богохульный плевок изо рта искаженного в истерическом хохоте. А он просто никчемный трус.

***

Зеленое пламя всколыхнулось и наклонилось в сторону, как при сильном ветре, которого не было. Темнота исходила из узенького коридорчика, таилась по заросшим паутиной углам зала, крылась под сводом остроконечной крыши.

Но вдруг она начала оживать. За спиной Тобиаса клубилась густая, даже не темнота, а абсолютная тьма, которая подобно полупрозрачной дымке выходила прямо из тела Седрика. Тьма сочилась из его глаз, она была практически прозрачна, но при этом черна. Тьма начала поглощать, вбирать в себя, жадно всасывать, как не назови, тени и приобретать слабо различимую форму, а от всей ее сущности тянуло ледяным ужасом, что заставил Себастьяна буквально оцепенеть. Тело пронзала дрожь и сильный, как при лихорадке, озноб, паладин ощущал, как тепло постепенно покидает его ослабший организм... Вскоре начали отниматься конечности. Сердце перестало биться, оно трепыхалось.

– Сэр, оглянитесь! – безудержно взвыл, словно баньши (если бы они еще существовали), Лаитон, срывая голосовые связки. И его крик стал самым мощным из всех криков за сегодняшний день, пока не оборвался.

Ибо тьма вытянулась и внезапно метнула часть себя в сторону юноши. Себастьян увидел подобие когтистой, костлявой лапы, сотворенной из черной массы, отрывающей оторвала голову Лаитона, от чего та отлетела к стене и, отскочив от нее, упала рядом с ним, Себастьяном.

Лицо собрата исказилось в гримасе ужаса, рот и глаза были широко раскрыты. Рану на шее будто сразу прижгли, кровь выглядела уже запекшейся и почерневшей.

Тобиас повернулся к формировавшейся тьме и тут же отшатнулся назад. Она приобрела окончательную форму.

Косматая, рогатая голова... Два сияющий мертвым, синевато-бледным светом, огонька... Когтистые лапищи и змеиный хвост вместо ног.

Молодой паладин ее уже однажды видел.

Огоньки мертвенно-синего света были направлены в его сторону.

ТЫ ПОМНИШЬ... МЕНЯ... МАЛЬЧИШКА? Я ТВОЙ СТРАХ. Я ТВОЙ УЖАС. ЗАМОРРРЫШ...

Себастьян помнил. Слишком хорошо, чтобы не бояться. Он видел ЭТО в старых книгах, манускриптах.

Этого он боялся увидеть в своей детской комнате. Но сейчас всего в пяти футах от юноши образовалось нечто реальное и отчасти материальное. И самое ужасное – вполне себе живущее.

Себастьян видел, как старший паладин стоит перед этой сущностью и не атакует ее. Он даже не поднимает меча. Просто смотрит широко раскрытыми глазами и вслух произносит молитву за молитвой.

Новопосвященный паладин, осторожно присев, подобрал свой меч и медленно начал двигаться поближе к Тобиасу.

Сущность не приближалась к ним. Молитва, раздавалась эхом по всему залу. Тобиас читал ее мертвым голосом. Он четко произносил каждое слово, стараясь не сбивать дыхание, отчего тьма немного удалялась назад, но и не думала уходить полностью.

– Себастьян! – громко обратился к юноше старший, не отрывая взгляда от сущности.

– С-с-эр? – отозвался Себастьян.

– Там лестница, в коридоре. Поднимись по ней.

– Я...Я.. х-х-очу вам п-п-омочь... – пролепетал юноша.

– Живо! Это приказ! Пошел! – закричал на него Тобиас и тут же ринулся на тьму.

Когда Себастьян выбегал из зала, он видел, как меч мастера проходит сквозь тело этой твари. Он видел, как тварь в ответ бьет когтями, царапает пол, но не может дотронуться до Тобиаса, будто вокруг него образовался некий невидимый щит, что не пропускает сущность. Старший паладин во весь голос произносил молитвы, что приходили ему на ум, и бил, бил, хоть это было бесполезно!

Тварь взлетала к потолку, металась по стенам, рывками нападала на Тобиаса, но невидимый щит, прочный щит продолжал сдерживать ее.

Новопосвященный паладин, покинул зал и начал беспокойно бегать глазами по стенам темного коридора, стараясь увидеть проем, ведущий на второй этаж. От безнадежности юноша начал прощупывать руками стены. Как только глаза привыкли к темноте, Себастьяну удалось увидеть, как из правой стены недвижимым потоком льется лунное сияние. Он направился прямо к нему, как вдруг что-то резко схватило юношу паладина за ногу и он почувствовал боль, практически нестерпимую боль в голени, так, словно десяток кинжалов разом пронзают его плоть и начинают усиленно пробивать кость.

Себастьян упал на живот, стукнулся носом об пол, и все та же сила потащила его назад, в зал.

Молодой паладин повернул голову и с ужасом заметил, что это Тьма тянет его к себе. Он мог, следуя примеру Тобиаса, взмолиться, но губы не разжимались.

Тобиас моментально среагировал и бросился на помощь. Старший вонзил клинок в безобразную лапу твари. Тьма в том месте, куда пришелся удар, немного растворилась. Хватка сущности ослабла, и Себастьян, недолго думая, поднялся на ноги и, преодолевая боль, ковыляя, побежал к лестнице.

Что произошло дальше, Себастьян уже не видел.

Он быстро поднимался по крутой хлипкой лестнице, несколько раз чуть не скатился с нее, и всякий раз напрягал глаза, стараясь различить в темноте ступеньки. Темнота была не слишком сильной... не демонической Тьмой, там, внизу.

Дойдя, наконец, до второго этажа, юноша сразу понял, что находится в колокольне. А недалеко от него висел массивный колокол, на внешней стороне которого были выгравированы крылья.

Из-за него резко и неожиданно для молодого паладина выскочила темная фигура. Она обнажила меч и приготовилась нападать. Себастьян был слишком измотан, чтобы разбираться, в чем дело. Эта усталость, безысходность даже сумела притупить чувство страха, что всегда, с самого рождения, не давало покоя юноше.

Сам не помня себя, новопосвященный паладин пошел навстречу фигуре и, сделав выпад, вложив в него всю свою ненависть и жажду мести, проткнул ее, не вытаскивая меч назад. От фигуры послышалось шипение, похожее на хрюканье и, судя по звону, оружие выпало из руки. Однако она сама не упала.

Тогда Себастьян предался не свойственной ему свирепости и со всей сей силы, что только была, толкнул фигуру от себя, в результате чего она, не успевая вытащить из себя меч, выпала из колокольни.

Молодой паладин словно пришел в себя. Вырвался из лап забвения, лап, без сомнения, таких же, как костлявые лапы Тьмы, сущности, мерзостной твари. Теперь он пытался понять, зачем мастер сюда его послал. Времени на раздумье не было – старший паладин был еще жив, но надолго ли?

Массивный и в тоже время маленький колокол, по сравнению с колоколом в Эйджгейте, сейчас не звонил. Он молчал. Наверное, ему вообще не приходилось звонить, судя потому, что творилось в этой часовне.

Себастьян взглянул на него и, неожиданно, разум пронзило старое воспоминание: «Голос крылатого колокола несет в себе великую силу. Это не просто звон, в нем заключена божественная энергия самого Ординума!».

Вот он, ответ! Себастьян не стал ждать ни секунды, просто на ощупь отыскал веревку и подобно звонарю, забил в бронзовый колокол, как можно сильнее натягивая на себя медный язык.

Колокольный звон хлынул сотнями волн, освобождаясь от пережимающих оков молчания, распространяясь по всей округе, оглушая юношу и сотрясая старое здание часовни!

Божественный могучий звук лился во все стороны, и даже казалось, что тихий холодный ветер усиливается, становится ураганом.

Но только не смерчем, ведь смерч – это спираль.

Новопосвященный паладин не давал затихать колоколу, он бил в него не переставая, не жалея сил, с каждым ударом чувствуя, как наплывают трагичные воспоминания, что перегибали сердце стальными канатами, выдавливали из него кровь.

Я паладин и мой долг сражаться со злом, да не убоюсь я его!

Себастьян продолжал звонить, стиснув зубы от злости и от боли. Он бы и дальше долбил в колокол, но его плечо сжала чья-то рука, и юноша обернулся.

– Достаточно. Пойдем... – это сказал мастер Тобиас...

***

– Вы убили тварь? Убили? Что? Что это было? – яростно спрашивал Себастьян, брызжа слюной.

– Теневой демон... Соглядатай Небытия, – сказал в ответ Тобиас, – А сейчас уходим! Хватай собратьев!

Он подошел к телу Клайда и, взяв его на руки, понес к выходу. Пламя только начало разгораться, оно постепенно поднималось все выше, под свод, превращая опорные балки в уголь.

– И Ему было очень больно от песни колокола Ординума, – рассказал мастер о битве, его голос доносился с крыльца, откуда веяло свежим воздухом проклятой ночи. – А я читал молитву и бил его мечом.

Новопосвященный паладин ничего не ответил. Он взял мертвое тело Стевина под мышку и поволок к выходу. Затем сделал то же самое с телом и головой Лаитона.

Старший паладин стаскивал трупы по лестнице с крыльца и, протаптывая высокую траву, тащил собратьев к трапезной, одного за другим.

Юноша выскочил из горячей часовни, его лицо покрылось копотью. Но Себастьян плевал на это.

Первое, на что он обратил внимание, когда оказался на улице, это то, что у трапезной не было никакого шума. Ни храпа, ни ржанья лошадей. Как и везде. Одинокая могильная тишина. Лишь внутри часовни грохотали падающие доски, и рычало пламя.

Отныне это место стало настоящей могилой. Впрочем, ничего не изменилось.

Тобиас между тем приблизился к трапезной. А через короткое мгновение после этого огонь распространился наружу. Его горячие языки вырвались из окон, выползли сквозь двери. Пламя пожирало часовню.

Оно осветило весь двор. И Себастьян увидел. И Тобиас увидел.
И то, что они увидели, стало последней каплей.

Смертное существо может сколько угодно долго держать в себе чувства и эмоции, пока не найдется капля, которая переполнит сосуд. Возле трапезной лежали обезглавленные туши лошадей. Сами же головы были насажены на колья забора.

И жеребец Тобиаса, и любимица Себастьяна Робена, и остальные, все были мертвы. Головы будто отсекли одним мощным ударом. Тобиас походил вокруг и сделал вывод, что никаких следов борьбы нет. А лошадь слишком умное существо, чтобы не понимать, кто с какими намерениями к ней подходит. Значит, лошадей убили внезапно, при этом безжалостно затемняя их сознание.

Вид этих пока еще не гниющих, но жутко выглядящих туш, вид крови, забрызгавшей всю траву вблизи трапезной и, собственно, сама трапезная, вернули и пробудили все эмоции, что тщетно пытался погасить в себе новопосвященный паладин.

Он уперся взглядом в мертвую голову Робены, с оголенными зубами и жуткими глазами, в которых еще сегодня вечером читалась доброта. Посмотрел на трупы братьев, лежащие неподалеку, и упал на колени.

Душевная боль, что терзала все тело, не хуже лап теневого демона, заставила забыть о физической боли в ноге. Он начинал всхлипывать, а затем и совсем разрыдался, закрывая глаза руками.

Слезы текли по его пальцам, капали на накидку и на землю. Плач переходил в истерику, внутренности просились наружу, а бока сдавливало так, что создавалось впечатление, будто это уничтоженный ныне теневой демон вернулся и решил начать пытки заново. Но эта пытка не была сравнима с другой, внутри. В самом сердце.

Тобиас подобрел, шаркая сапогами, к Себастьяну.

– Мужчины могут плакать. Поплачь, мальчик, поплачь, – с жалостью и как-то по-отцовски сказал он. – Это освобождает. Не бойся этого никогда. Плакать также нормально, как питаться. Тем более после того, что ты пережил. Да еще в таком возрасте. Я впервые увидел смерть собрата в двадцать три. Но не в семнадцать. Это ты всадил меч тому, что валяется возле часовни?

Новопосвященный паладин ничего не отвечал, он продолжал истерически реветь, сжимая кулаки и иногда откидывая голову назад, стремясь жадно заглотнуть ночной воздух, пропитанный черным дымом.

– Знаю, что ты. Не жалею об этом. Иногда приходится убивать. Так уж получилось. Я не плачу, потому что нечем... Слишком много я повидал за эти годы. То, что случилось сейчас... трагично, но плакать мне нечем, – объяснил Тобиас.

Сказав это, он отошел ближе к полыхающей часовне, сел на колени, начал громогласно, но неразборчиво, молиться.

Себастьян остался один на один со своим горем, со своими слезами. Ему было сложно остановить поток эмоций. Из него ушла вся энергия, не было желания обдумывать произошедшее. Хотелось убедить себя, что это просто сон, что на самом деле ничего подобного в мире вообще не существует...

Однако перед глазами все время вставали мертвые братья. Истинные братья.

Сейчас их тела лежали неподалеку, но молодой паладин старался смотреть в другую сторону. Хотя какая-то неведомая сила все время подбивала глянуть на трупы. Посмотреть, уничтожая тем самым себя изнутри. Может, все дело было в этом гадком месте? В теневом демоне, невидимые ошметки чьей сущности все еще витали в воздухе? Молодого паладина это не волновало. Братьев уже ничто не вернет.

Себастьян ревел так отчаянно и так долго, что все-таки не смог дальше сдерживать свой желудок. Новопосвященного паладина согнуло пополам, и почти переваренная еда вместе

со слюной и слизью вырвалась и забрызгала всю траву перед юношей. Он откашлялся и вытер рукой рот.

Себастьяну всегда сложно давалось сдерживать себя. Орден сумел поменять некоторые особенности характера, но ведь не весь характер в целом. Раньше юноша мог подолгу переживать любой пустяк, обижался на несправедливое отношение к себе, не мог видеть жестокости. Но все это – просто пылинка, попавшая в глаз, по сравнению с тем, что случилось сейчас. Когда рядом лежат мертвые собраты, когда в первый раз приходится убивать, когда рушатся все надежды, только тогда смертный осознает свои прошлые ошибки и начинает смотреть на всю свою жизнь иначе.

Себастьяна настолько засосали и вобрали в себя эмоции, что он не заметил и не услышал, как Тобиас прекратил молитву. Снова почувствовал на своем плече его руку.

– Хватит, Себастьян. Я понимаю, сейчас очень тяжело. Но нужно сохранить силы. Нам еще нужно на чем-то, на ком-то вернуться в Эйджгейт. Вставай, – Тобиас подал руку молодому паладину и тот, опираясь на нее, медленно поднялся на ноги.

Юноша впервые за несколько минут снова ощутил резкую боль в ноге и снова присел.

– Что такое? – спохватился старший. – Ранен?

– Д-д-да, – всхлипывая, невнятно ответил Себастьян, – Тот демон, тогда, когда я бежал в колокольню...

– Сейчас. Не бойся, – мастер напрягся, и сосредоточился. – Ляг на землю.

Себастьян осторожно прилег на траву, совершенно не обращая внимания на тот факт, что она им же испачкана.

– Только лежи смирно, – Тобиас снял с юноши сапог и наголенник и положил руку на рану.

Ладонь засияла синеватым, ярким светом. Живым светом. Светом Ординума. Он, как разгорающийся рассвет, бежал по опухающим венам левой руки мастера, вырывался из пальцев. Зрачки мастера расширились, а из носа текла капля густой крови.

Юноша почувствовал приятное тепло, что пробегает по его ноге, затем движется через все тело. Это тепло, как и божественный свет, умиротворяло и вместе с тем придавало сил. Уже через несколько секунд Себастьян не чувствовал боли в ноге.

– Это то самое? – спросил он, когда уже поднялся с земли и надел сапог с наголенником.

– Да, – обессиленно ответил Тобиас. – Исцеление. Свет Ординума.

– Почему тогда вы ИХ не исцелили? – обвиняющее спросил Себастьян, у которого снова задрожал голос.

Тобиас посмотрел в глаза юноше и немного погодя ответил:

– Они умерли. Я не бог, чтобы дарить жизнь...

– Но вы могли исцелить их во время битвы! – едва не крича, высказал молодой паладин.

– Нет, не мог. Они умерли моментальной смертью. Если бы они жили еще хотя бы несколько секунд... Да и то бы все равно не спас. Исцелять кого-то во время битвы, а тем более такой, практически невозможно. На такие способности нужно смирение и сосредоточенность. А где они во время битвы?

Себастьян угрюмо склонил голову.

– Знаете, мастер... Я раньше недолюбливал Клайда и Стевина, холодно относился к Лаитону... Но сейчас я больше всего хочу, чтобы ОНИ жили... Чтобы они дышали... Они мои друзья... – прошептал Себастьян, снова начиная плакать. – Друзья...

– Я все понимаю. Они отправились к богам, они погибли как герои...

– Их забрало Небытие...

– Я думаю, что боги успели... Они спасли...

– А как же то, что вы сегодня говорили? Что не всегда оправданно бесстрашие...

– Да... Клайд был сильный и умелый парень. Но, если бы он не бросился на врага, то, может быть, нас осталось бы больше, чем двое... Его поступок сложно оценить как героический. Но все же это поступок.

– Вот именно! Поступок! А я боялся, я не сражался!

– Прекрати...

– Я прав сейчас, мастер! Я прав! Я должен был умереть! Я! Я должен был оправиться в Небытие вместо них! – отчаянно продолжал сквозь слезы кричать Себастьян и трястись всем телом, размахивая руками.

Еще несколько секунд назад Тобиас с трудом поднимался на ноги, ослабший от Света Ординума... Но сейчас замолчал и стиснул зубы. Затем вдруг ударил Себастьяна кулаком в челюсть. Юноша чуть было не отлетел на добрый десяток футов.

– Себастьян! Никогда, НИКОГДА, не произноси ничего подобного! Ты понял?! – гневно выпалил мастер.

Себастьян недоуменно кивнул, вытирая с губ кровь и сплевывая ее.

– Ладно... Прости, может я погорячился... – с жалостью произнес Тобиас. – но такие фразы постоянно выводят меня из себя... И собратья твои не внутри Небытия. Двое из них убиты сектантами, не Абсолютным злом. Лайтон... Уверен, Людские боги вытащили его из скользких лап Темных богов.

– Мне очень тяжело, мастер, – тихо пробормотал молодой паладин и присел на землю, держась руками за голову. – Я не считал всех их за собратьев, а тем более за друзей, а Клайда раньше вообще за врага принимал. Но теперь слишком поздно исправлять! Надо было пользоваться моментом, а я не пользовался... Да еще и стоял как трус, дрожал, боялся сражаться!

– Сделанного никогда уже не вернешь, – угрюмо пояснил мастер и присел напротив юноши, смотря ему в глаза. – Увы, но это так. Теперь просто надо научиться жить с этим. Это тяжело, но возможно. И вообще, Себастьян, перестань винить себя. Для каждого первый бой проходит по-разному. Одни умирают, другие живут. Ты выжил.

– Ценой чужой жизни... – грустно заметил Себастьян.

Тобиас промолчал.

– Это все моя вина. Я должен был защищать вас... Я отвечал за вас. Но не защитил. Новопосвященные никогда не погибали... Но так случилось, не спрашивай меня, почему боги забирают одних, а других защищают. Я сам не знаю. Я оставил этот вопрос еще года три назад. На него нет ответа в мире. Просто нет...

– Откуда вы знаете? – спросил Себастьян, у которого на глазах опять проступили слезы, а телом овладела холодная дрожь.

Тобиас замолчал. Он вскинул голову кверху и несколько минут смотрел на чистое, звездное небо, пробивающееся через густой, вонючий дым, заполняющий округу. Новопосвященный паладин посчитал вопрос оскорбительным и хотел было попросить прощения, однако мастер начал говорить:

– Я не знаю, слышан ты в ордене обо мне или нет. Не думаю, ведь там есть паладины достойнее Тобиаса Шумейкера... Я не всегда был одиночкой. У меня была семья, как у любого разумного существа. Любимая жена и маленький сын. Я подвергал свою жизнь опасности и риску, но всегда возвращался живым. Я видел смерть, много раз. Видел, как умирают и враги, и друзья, что обусловлено нашей профессией, к великому сожалению. Я, так же как и ты, отчаянно плакал по собратьям. Но однажды все эти смерти перекрыла одна единственная. Мой сын, шестилетний сын, – мастер незаметно смахнул слезу с глаз. – Погиб. Упал с крыши университета. Я не доглядел. Я хотел показать ему красоту города. Я не помню точно, что произошло, помню лишь маленькое тело, лежавшее на мостовой. Жена так и не простила мне эту смерть. Ей было тяжело смириться с горем и утратой, она ушла, и правильно сделала. Я хотел найти сыновей в вас, послушниках, но когда я заявил о своем желании, мастера только замо-

тали головой: «Если ты не смог сберечь жизнь собственного ребенка, как сбережешь жизнь многих детей?». Я даже не стал спорить, все понял... А знаешь, что самое ужасное в этой ситуации?

Себастьян испуганно замотал головой.

– Некому мстить. Только себе или богам... Но мстить себе – глупо. А богам еще глупее. Знаешь, вопреки мнению многих, месть все-таки облегчает, может не намного, но облегчает. Наши братья отмщены, мы должны вернуть их в Эйджейт, предоставить ордену, а затем предать земле со всеми почестями. Это самое большее, что можно сделать для павшего товарища.

– Мастер... – обратился к Тобиасу Себастьян и заглянул ему в глаза.

– Да?

– Я больше никогда не допущу подобной ошибки... – пообещал молодой паладин.

– Я рад, что ты все осознаешь, – ответил старший, улыбнулся, поднялся с земли и оглядел территорию, укутанную темнотой.

– Надо поискать транспорт, – предложил Тобиас и посмотрел вдаль.

Себастьян утер слезы и поспешно встал.

– Нет, ты оставайся здесь. Наверняка в трапезной есть лопата. Я хотел бы, что бы ты похоронил лошадей. Только сделай это за территорией, пометь могилу камнем... Бедные животные, они смерти ничем не заслужили.

– Я сделаю, мастер... – пообещал молодой паладин.

– Хорошо, Себастьян. Я пойду, сомневаюсь, что удастся встретить на этой дороге хоть одно разумное существо, но иначе никак...

С этими словами Тобиас открыл ворота и ушел по дороге на запад. И Себастьян уже не видел его слез.

***

В каждой жизни наступает переломный момент. Он может кардинально изменить сознание, перевоплотить разум и переродить душу. Судьбы разные, но почему-то зачастую такой момент действует крайне жестокими методами, которые практически невозможно выдержать. Почему?

Тобиас держался за ранение на лбу. Его вылечить уже не удастся. Тобиас повертел в дрожащих руках медальон в виде крылатого колокола.

Старший паладин больше никогда его не надет. Грандмастер сорвет медальон с шеи. Себастьян сидел в телеге, прислонившись спиной к стопкам перевозимой ткани, и размышлял над всем этим. Он ненавидел себя. Он вспоминал, как не хотел видеть своих братьев, как отстраненно и холодно относился к ним. Еще вечером прошедшего дня можно было все исправить. Завести, наконец, разговор, сменить свое отношение к братьям на более доброе и снисходительное. Но менять себя не хочется никому, судьба заставляет делать это насильно.

Сейчас три собрата лежали совсем рядом, накрытые тканью. Себастьян понимал, что это лишь пустые тела, которые скоро начнут гнить под толстым слоем черной земли. Их уши уже не способны выслушивать покаяния и извинения, а глаза не увидят искренности чувств. Если бы некромантия не была черным колдовством, энергией Темных богов и Абсолютного Зла, богохульством, то юноша бы начал помышлять о ней.

Еще недавно молодой паладин не понимал, какая жестокость существует в мире. Писал себе стихи, брэнчал на лютне, прогуливая занятия. Он не знал, как иногда приходится прогонять из себя чувство жалости и милосердия, чтобы победить. К Абсолютному злу испытывать его нельзя. Это богохульство, худшее, чем дотлевающая часовня. Никакого милосердия. Никогда!

Себастьян знал о смерти, но не познавал ее, не ощущал ее присутствие своим нутром. А прошедшая ночь показала много смертей. Они, как болотные змеи, обвивали и пережимали легкие и врагам, и друзьям. Они не оставили даже животных...

Когда юноша в темноте искал лопату и копошился в сарае, он наткнулся на еще одного пострадавшего от такой жестокости. Тот самый рябой мальчик, что служил при часовне. У него был распорот живот, а из этой раны торчали внутренности.

У каждого теперь своя могила. Мальчик и лошади, что погибли беспричинно, как случайно попавшие под руку агрессора, лежат под землей, в забытом и пустующем месте. Друзья, паладины, будут погребены на городском кладбище.

Вокруг их могил соберутся родные, мастера, собратья, будет звучать старая героическая песня и слова заупокойной молитвы. А враги... Они сожжены вместе с придорожной часовней. От них остались только горсточка пепла, который смешался с древесным углем и теперь будет развеян по ветру и забыт. По крайней мере, молодой паладин хотел в это верить.

В судьбе менестреля всего этого нет. Никто не умирает, и необязательно убивать. Менестрель лишь в собственном воображении видит, как стихия огня раскидывает свои щупальца, жадно вбирая в себя возведенные строения. Поэт чувствует жар от пламени в камине или костре, а не жар огненного безумства. Все это можно услышать или прочитать, достаточно даже просто подумать, представить. Паладину же приходится быть участником событий.

И сейчас, слушая ворчание хозяина телеги, управляющего лошадьми, быстрый цокот копыт и скрипение колес, юноша с полной уверенностью осознавал, что готов быть таким участником. Петь с помощью меча, а не с помощью лютни.

У каждого своя могила. Повторилось в сознании юноши. А у него своя, где он похоронит прошлую жизнь. И пусть на ней прорастет роза, покрытая острыми шипами, которыми новопосвященный будет, не испытывая жалости, не проливая больше слез, разить Абсолютное зло. Разить!

Разить!

Разить!

Себастьян видел, как рассвет приходит с востока, окропляя верхушки облаков. Но больше не находил ничего прекрасного в этом. Одно желание переполняло юношу. Желание догнать упущенное, добиться такого же мастерства, как Тобиас, доказать себе и Людским богам, что смерть собратьев не была напрасной.

Он отчаянно клянется в этом.

Интерлюдия Вторая

Дождливый день. Траурная тишина. Пустой дворец. Статуи фениксов. Серебро потускнело, камень осыпался. Гул набата, словно завывания ветра. Прощальная молитва.

Ибо погибли паладины. Погибли поборники Ординума. Погибли новопосвященные. Убиты те, кто бороды еще не бреет.

Жилая башня. Мрак кельи. Она почти каморка. Повсюду клочки бумаги, постель залита чернилами. Поломанные перья. Вишневая лютня. Творение мастера и порванные струны.

Потрескивает поминальное пламя. Эхом раздается стук шагов рыжеволосого мастера-паладина. Он идет один.

Осторожно открывает дверь в келью. Ворошит в ней мусор. Разруха и хаос там, где была жизнь. Мастер-паладин идет к дворцу.

Тишина. Только отчаянные крики, стук и звон меча. Ступеньки вниз, вниз. Чад факелов, подвал.

Изрубленное чучело. Поваленные мечи, сломанные напополам бакены. Запах крови, запах пота.

Юноша, обнаженный по пояс. Спутанные грязные космы спадают на плечи. Он, не переставая бьет чучело со всех сторон. Рычит как волк, плюется как пес.

«Себастьян...»

Мастер-паладин делает шаг вперед. В ответ лишь новые удары. Меч гнется. Юноша бросает его об стену.

И ноги юноши подгибаются. Колени разбиваются о пол. Лицо закрыто руками. Ладони мокрые от слез...

История вторая: Трактиры и крылья

Глупец тот, кто думает, что бесы обитают лишь в Небытии! Зайдите в любой трактир! Да, вы, напыщенные и нарумяненные вельможи в шелковых трусах! Зайдите в трактир! Да там бесов больше, чем глистов в ночном горшке! И они еще и пьяные...

Николас III «Трезвенник» из Лексианов.

Зима, морозная и снежная, когда по ночам метель потоком несгибаемой силы пронесется по широким улицам города, срывает ставни, а днем пушистый и крупный снег, подобно палантину, накрывает крыши домов и заставляет их обрушиваться под весом в сотню фунтов, захватила город Эйджгейт.

Недаром второй месяц зимы прозвали Колдмансом! Тепла от каминов и печей едва хватало, бездомные и бедняки погибали от обморожения, а дворняги бегали исхудалые, изнывающие от голода настолько, что не гнушались лакомиться плотью смертных. Они выли, рычали и лаяли словно волки, замечая добычу.

И сейчас, когда вой собак предвещал чью-то скорую смерть, человек среднего сложения и среднего роста, укутавшись в меховой плащ, вышел из парадной самой большой густонаселенной многонаселенной инсулы в городе, называемой Амфитеатром.

Ибо когда-то, еще до того как на трон сел прапрадедушка нынешнего короля, амфитеатр был заполнен не комнатухами, а трибунами.

Человек огляделся по сторонам, щуря глаза от щиплющего ветра и порхающих снежинок и прислушался.

Звуков во дворе было великое множество. Звенела сталь, кто-то истошно кричал от боли, кто-то ликовал. Рычали львы, кричали грифоны под аккомпанемент толпы и громкие, сотрясающие сам амфитеатр, аплодисменты.

– Убей! Убей! Убей! – редела толпа.

Человек не стал удивляться, он привык. Когда-то в этом кругообразном дворе Повсюду был желтый песок.

Нет, не желтый, а алый.

Внутри инсулы, бывшего амфитеатра, погибали гладиаторы. И кровожадные зрители, затаив дыхание, следили за их гибелью. Победителя славили, побежденных скармливали хищникам. И так продолжалось до тех самых пор, пока гладиаторские бои не были запрещены указом, а амфитеатр (сооружение слишком красивое, чтобы его разрушать, и слишком великое, чтобы оставлять его заброшенным), постановлением городского совета не был превращен в жилую инсулу.

Глядя на заснеженные колоннады, арки, украшенные резьбой, и обнаженных каменных воинов, держащих свод кольцеобразной крыши, человек мысленно одобрил решение властей. Он натянул сильнее капюшон плаща, хватаясь за серебристую фибулу в виде феникса и, в последний раз вслушавшись в шум призрачных боев, вышел на большую улицу и беспокойно ухватился за оголовье меча, что болтался на бедре.

Призраков не существует, правда?

Вера в Людских богов отрицает загробную жизнь подобного характера. Умерший отправляется (если жил достойно и не был убит Абсолютным злом) в Чертоги богов, где Ординум восседает на троне из солнечного света, либо, (если жизнь была наполнена преступлениями и грехами), в Небытие.

А там, вечно голодные Темные боги с удовольствием разорвут жалкую душонку.

Человек считал, что лучше призраки, чем Небытие.

Но мечты и желания – удел несмышленных детишек, катающих по полу деревянных лошадок на колесиках. Разумом человек понимал, что никогда и никому не встретить здесь, в Поднебесье, умерших родных, погибших друзей. Единственное, что от них осталось, это образ, запечатленный каким-то художником в воздухе, образ, что носит название фантом. Такой же фантом во дворе Амфитеатра – ожившая, но однообразная картина древних событий.

Когда человек оставил фантомов позади и миновал несколько одинаковых улиц, а затем затянутый льдом идеально круглый пруд, ветер стих и крупницы снега перестали бить по лицу. Они падали медленно и равномерно. Мужчина больше не кутался в плащ, и прохожие могли приметить и меч, и стеганую защиту и, самое главное, гербовую накидку с алым фениксом по центру.

Но никто не обращал внимания. Беспokoйные матери уводили детей с замерзших улиц, стражники лениво шагали, загребая ногами снег: патрулировали город.

Торговцы закрывали свои лавки. Из их уст доносилась брань. Собаки сворами бегали по закоулкам и рылись в отбросах.

Человек не глядел по сторонам, предпочитая смотреть под ноги и думать. Он вспоминал, какой была прошлогодняя зима. Тогда горожанам пришлось туговато. Ударил сильный морозы. Эйджгейт превратился в Земли Ледяного Тумана. Поставка пищи была прекращена, реку Бернинтайм покрыл толстый слой льда. Корабли и лодки просто не могли привезти продовольствие. А снежные заносы мешали доставить его по суше.

Горожане замерзли прямо в своих домах. Кое-кто обезумел от голода настолько, что пожирал собственных детей. Один кузнец съел свою дочку, не вынимая из колыбели. Он прирезал ее ножом, которой только что выковал.

Прошлой зимой человек вызвался патрулировать улицы Эйджгейта, но получил отказ. Этой зимой вызываться надобности не возникло. Он был рад тому, что Колдманс выдался терпимым. Теперь мужчина мог по собственной воле двигаться вверх по улице Уильяма Складчика, ища глазами вывеску «Дубовый трактир».

«Дубовый трактир» имел славу дешевого трактира, не с самым лучшим обслуживанием. Его давно облюбовали простые жители Района торговцев. Дешевые блюда и бесплатный, некачественный алкоголь по выходным. Раньше можно было хоть целый день травить свое тело, однако, капитан городской стражи настоял на том, чтобы посетителям давали не больше одной стопки самогона в день. Такое решение было обусловлено тем, что после выходных его подопечным приходилось усмирять особо буйных пьяниц.

Человек в гербовой накидке с фениксом никогда не посещал «Дубовый трактир» за свои двадцать лет. И не посетил бы еще двадцать, если бы не друг. Которому, как он сам выразился, требуется помощь. Помощь паладина.

Когда перед его глазами предстало старое кирпичное здание, с облупившейся черепицей и с вывеской, что изображала оживший дуб, вливающий себе в рот какое-то пойло, желание посетить заведение отпало окончательно. Да еще, к тому же, с крыши свалился снег и упал прямо ему на голову. Человек только недовольно посмотрел наверх и отворил массивную дверь, заходя внутрь.

После мороза, стоявшего снаружи, тепло помещения, создаваемое жаром камина, свечей и кухонных печей, было самой настоящей отрадой. Человек несколько повеселел, отряхнул ботинки, избавился от снега на плаще и снял капюшон. Мужчина внимательно оглядел квадратный, маленький зал харчевни. Создавалось впечатление, что это не трактир, а ведро с рыбой – настолько много народа здесь помещалось.

Столы возле окон были сплошь заняты хохочущими компаниями, в каждой, как на подбор, было по пять человек. Эти люди без остановки хлебали что-то вроде пива (паладин не разбирался), рассказывали друг другу байки, рассуждали о своей нелегкой жизни, жаловались на безумный мир и отсутствие хорошей работы. Иногда они начинали что-то доказывать, стуча

кружкой или кулаком по грязной столешнице. Некоторые мужчины, уже успевшие пропустить несколько кружек, лежали под лавкой, или же уткнулись носом в миску с едой.

В дальнем углу помещения, возле стойки, сидело трое орков, одетых в черные полушубки. Среди людей ходило мнение о том, что орки самые невоспитанные, буйные и необузданные. Однако сколько человек не бывал знаком с представителями орочей расы, не мог подтвердить подобный слух. И ему было известно, что драки в трактирах начинали именно люди. А орки применяли силу только в случае серьезного оскорбления. Правда, организм зеленокожих своеобразно реагировал на алкоголь. Для того, чтобы потерять голову, им хватало и трех кружек, например, браги. У себя на родине, в Степях зноя, никто из их сородичей не держал у себя в шатре из шкур и кожи алкоголя, и причиной тому было полное отсутствие ингредиентов для его создания.

За соседним столом сидела парочка полнотелых дворфиек со своими бородатými и крижистými мужьями. Они выпивали по большой кружке, а затем, ругаясь и язвительно шутя, просили принести еще. Наверное, дворфы был единственным на свете народом, в котором женщина была способна перепить мужчину.

От столов, заполненных дворфами, всегда было слышно больше всего бранных выражений, но брань их скорее забавляла, они не выказывали при помощи нее агрессию и ненависть. Дворфы предпочитали ее выражать при помощи секиры и топора. И надо сказать, это было гораздо эффективнее.

Среди всех посетителей «Дубового трактира» мужчине не встретились только эльфы. Ни лесных, ни высших... Но они ему и не требовались. Человек искал своего друга, необычного даже для Эйджгейта, друга.

Возле одного стола, стоящего в самом центре помещения, столпилось больше народу, чем было за всеми остальными столами вместе взятыми. И, кажется, человек понимал, какая причина могла послужить этому. У этой причины есть имя, и есть фамилия.

Божественный поборник решил протиснуться поближе к столу, желая разглядеть происходящее, но спины местных посетителей загораживали весь обзор.

– Простите, можно мне пройти, – вежливо обратился человек к невысокому мужчине.

Тот обернулся. У него было неестественно красное, одутловатое лицо, покрытое недельной щетиной и длинные волосы, спутанные в колтуны. Он поглядел на человека сонными и пустыми глазами, внутри которых летали хмельные бесы, прибежавшие туда из какого-нибудь бес-трактира. Эти глаза заметили на серебряный медальон в виде крылатого колокола, и мужчина медленно и невнятно пробормотал:

– Это... как там тебя, паладинер... Что, разве Ординум не запрещает предаваться греху... этих... как их? Развратных игр?

Впереди, за спиной мужчины, за столом кто-то прыснул от смеха и клацнул зубами.

Человек, по ошибке названный «паладиниром» вместо «паладина» (хорошо хоть не рыцарем) улыбнулся, не предавая значения сказанному:

– Греха в нашей жизни не много. Всего не обойдешь.

– Это верно, это верно... – согласился мужчина, поднимая указательный вверх. – Ты осторожнее... а то проиграешь все свое... это, ну ты знаешь... емуищество.

Перед взором паладина появился, сидящий за столом, самый настоящий зверолод. Точнее сказать волколюд. Он был одет в качественный безрукавный дублет, прошитый золотыми нитями. Волколюд потягивал дешевое и кислое (судя по его перекошенной волчьей морде) вино из металлического бокала и держал в правой лохматой лапе пять игральные карты.

Волколюдами звался подвид расы зверолодов, что имел внешнее и внутреннее сходство с волками. По сути, волколюд представлял собой прямоходящего волка с человеческим разумом и без хвоста. Вернее, каждый зверолод рождался с хвостом, но закон и правила веры

в Людских богов, требовали обряда Обрезания, на котором младенцу, маленькому пушистому комочку, отрезался хвост под корень.

Но не одними волками была богата раса зверей-людей. Встречались ящеролуды, котолуды, медведолуды... И никто из разумных рас не знал историю происхождения зверолудов. В том числе и сами зверолуды. Одни верили, что это нелепая ошибка богов, другие считали, что люди-звери – последние представители древнего союза животных и людей, третьи же предполагали, что каждый зверолуд – дар, благодаря которому можно быть и зверем и человеком одновременно. Высшие эльфы, что отрицают всякую веру в то, что над разумными расами есть кто-то еще разумнее, всегда утверждали, что природа сама по себе меняется и совершенствуется, и со временем каждое животное станет зверолудом. Высшие эльфы любили приводить в качестве аргумента тот факт, что среди зверолудей не встретишь зайцелуда или, скажем, белколуда. Потому что сильный мешает развиваться слабому, и только хищник способен стать совершенным. В общем, такую и прочую чепуху говорили высшие эльфы, и человек ей не верил.

Однажды ему попала в библиотеке книга одного историка, в ней он писал о том, что зверолуды вышли из лесов в период жуткой Всея Войны, и эта была настоящая помощь богов...

Напротив волколуда сидел мужчина, одетый вовсе не для этого трактира. Хороший, качественный камзол, волосы, перевязанные позолоченной тесемкой. Рядом, на лавке, лежал пушистый полушубок из лисьего меха, с воротником, отороченным бархатом. По всей видимости, игрок был знатным. Хотя и вел себя совершенно неподобающе. Громко выкрикивал неприличные ругательства после каждого неудачного хода, скрипел зубами и называл волколуда «блошиной мордой».

Тот совершенно не обижался, только хихикал, оголяя клыки, и загребал когтями выигранные деньги.

Заметив своего старого друга, волколуд добродушно улыбнулся вовсю ширь, почесал ухо и сказал веселым голосом, обращаясь к зрителям карточного боя:

– Так, уважаемые и не очень уважаемые, господа и господари! На сегодня партия закончена, можете подтянуть штанишки и идти домой!

Собравшиеся вокруг стола недовольно заныли, заворчали и стали медленно расходиться по своим столам, либо собирали вещи и покидали трактир.

Знатный господин, сузив глаза, раздраженно произнес:

– Значит, заканчиваем? Имей в виду, я стану отыгрываться. Когда я смогу отыгаться?

– Отыгаться ты сможешь, когда научишься играть лучше меня. А сыграть мы с тобой можем хоть завтра, я всегда готов предоставить свои милосердные услуги страждущим потратить свои деньги, – непринужденно и с наигранной серьезностью ответил волколуд.

– Прекрасно, – сквозь зубы процедил знатный господин. – Я приду. И не шути со мной, блошиная морда.

– Блошиная морда, а ну не шути! – закричал волколуд на старого облинявшего пса, спящего у стойки трактирщика и снова, давась смехом, повернулся к своему оппоненту. – Советую взять денег побольше... Портки и драгоценности снимать с противника – не мой стиль.

Знатный господин насупился и в раздумье забарабанил пальцами по столу, после чего пригрозил:

– У меня влиятельные друзья, зверолуд, осторожнее.

– Я рад за них. Очень рад. Дай нам боги, чтобы все друзья были влиятельные!

Знатный господин скорчил мину, вскочил с лавки и выскочил из «Дубового трактира» сопровождаемый каким-то косматым громилой, у которого за место одного уха был безобразный обрубок.

Зверолюд посмотрел им вслед, встал с лавки и улыбочиво посмотрел на паладина, поглаживая мех на своем лице.

– Так-так, Себастьян Ардентэл. Вернее, сэра Себастьян Ардентэл, вы тоже хотите сыграть партию. Что поставишь? Меч? Медальон?

– Мне не до шуток, Джасп. – серьезно сказал Себастьян Ардентэл. – Что ты хотел? Моя помощь нужна?

Джаспер вышел из-за стола и приблизился к паладину.

– Я просто хотел пообщаться с тобой. Да, мне нужна помощь хорошего собеседника. Себастьян покачал головой.

– У меня слишком много дел. Пообщайся с кем-нибудь другим.

– У тебя всегда слишком много дел, с тех пор как...

Поборник Ординума насупился и покраснел.

– С тех пор как собратьев убили прямо у меня на глазах? А я стоял и смотрел на это, как щенок?! Это ты хотел сказать, Джасп?

– О... – протянул волколюд. – Нервишки пошаливают? Тебе надо расслабиться.

– Я пойду.

– Неа. Н хочешь обнять старого друга?

Себастьян по-дружески обнял Джаспера, то похлопал ему по спине.

– А теперь садись, я угощаю.

Себастьян уселся, откидывая плащ назад, на лавку напротив Джаспера, так что стол, заваленный мисками и костями, оказался между ними, и поинтересовался:

– Кого на этот раз обобрал?

– А, так, мелкий аристократ, – отмахнулся волколюд. – Помнишь, я как-то обобрал еще одного твоего собрата-паладина?

– Ты жульничал, – коротко напомнил Себастьян, расчищая стол перед собой.

– Игра без хорошего мухлежа, что мясо без соли. Желудок набьешь, а удовольствия не получишь, – ответил Джаспер и щелкнул когтями на пальцах.

– Ты играл с поборником Ординума!

– Будто азартные игры в вашем ордене запрещены!

– Жаль, что это не так. Но, прямо скажем, они не приветствуются. Играть можно, а жульничать нельзя.

– Ну тебя, Себ! – снова отмахнулся волколюд, скрестил лапы на груди и отвернулся в сторону, глядя в далекое окошко, за которым не было ничего кроме сумерек. – Между прочим, я никого не заставляю играть. Но сам от хорошей игры не откажусь никогда.

– Ага, – усмехнулся паладин, положив руки на стол. – Особенно когда перед тобой рыцарь Ордена Замка.

– Я игрок, а не самоубийца! Если бы я выиграл, то гвардеец скормил бы меня грифону!

– А если бы проиграл?

– Потерял бы деньги. Не малые, заметь. А самое главное – уважение к самому себе.

Волколюд замолчал и позвал:

– Эй, трактирщик!

На его голос прибежал невысокий, худощавый мальчишка, почти юноша, с длинными волосами цвета чуть темнее, чем каштановые волосы Себастьяна. Его щеки покрывали прыщи, что появлялись у многих в возрасте шестнадцати лет. Мальчик, по всей видимости, был образованный и начитанный, и паладина очень удивило, что такие люди носят грязные, заляпанные жиром фартуки и работают в подобных местах. Лицом мальчишка напомнил Себастьяну себя самого, только года три назад. Особенно это виделось в глазах, что были такие же серо-зеленые как у паладина.

– Будь добр, принеси две миски свинины с кашей, бокал меду и... морс, наверное – неуверенно попросил Джаспер и поглядел на своего друга. Тот одобрительно кивнул. – Да, морс. Ну, еще хлеба захвати.

– Хорошо, господа, – сглотнув слюну, ответил мальчик, собирая со стола пустую посуду и попутно разглядывая накидку Себастьяна, а после убежал в кухню.

– Интересно, откуда деньги у «Дубового трактира» на официантов? – заинтересовался поборник, не отрывая взгляда от двери, ведущую в кухню.

– Это не официант, а трактирщик, – поправил волколюд.

– Ты серьезно? – изумился Себастьян.

– Удивительно, да? Сам даже хуже играю от удивления – Джаспер порывлся в поясной сумке и вынул из нее маленький кубик, шестигранную кость, потертую и поцарапанную. Цифры, нарисованные красной краской, давно затерлись и стали практически не различимы. Волколюд принялся, как обычно, вертеть кость в пальцах и рассказывать. – Хозяином он быть не может, трактирщику положено иметь брюшко, словно он ребенка ждет, и бороду, словно он из Двергтрекка приехал. Но это и не сын хозяина. Просто какой-то юнец. Хозяева, говорят, не работают. Нанимают мальчишек, а те за низкую плату тут возьмется. Лучше бы азартные игры освоили, честное слово.

– Ясно, – недовольно пробормотал паладин. – Но, по-моему, в трактирах не место таким, как этот паренек. Тем более, что здесь даже вышибалы нет.

Паладин обвел взглядом, каким он оглядывал исключительно противников, каждый стол в трактире. Вернее, сидящих за столом. Дворфы и орки не опасны, а вот та кампания, что сидит у самого входа, выглядит не слишком дружелюбной. Опухшие лица подвыпивших мужчин говорят об отсутствии морали и совести. Внутреннего светила. Света Ординума, исцеляющего душу и тело.

Волколюд только пожал плечами:

– Тебе виднее. Лучше расскажи, как твои первые вылазки?

– Одна хуже другой, – угрюмо заметил Себастьян. – Упыри в подвале старушки...

– Уверен, что это были не ее подружки?

Божественный поборник пропустил шутку мимо ушей, продолжил:

– Гнездо гулей на кладбище...

– А, это те, которые жуют трупы?

– Живых тоже, – раздраженно поправил Себастьян.

– Молчу, молчу! – Джаспер выставил перед собой ладони.

– И, самое жуткое, осквернение часовни Ординума возле дворца нашего Ордена. Все было разрисовано спиральями. Более того, сверху спиралей кто-то додумался, изобразить десятку, как символ наших богов.

Себастьян взглянул на Джаспера. Он надеялся, что тому хватит ума промолчать. Он молчал, а потом спросил:

– А что было дальше?

Джаспер облокотился на столешницу, отложил кости в сторону, однако правую лапу с них не убрал. Себастьян ссутулился и придвинулся вплотную к столешнице, перед этим положив ножны с мечом себе на колени.

– Мы думали – это дело рук сектантов... – шепотом рассказал он.

Тем временем мальчик вернулся из кухни, принес в дрожащих от усталости и, возможно, голода (так думалось паладину) руках дубовый поднос с кружками и мисками, что были до краев, как говорится, от души, заполнены едой и питьем.

– Благодарим – добродушно произнес поборник за себя и за Джаспера, что уже делал большой глоток меду. Себастьян повел носом и уткнулся в приятный, сладковатый запах ягодного морса в своей кружке.

Не без огорчения паладин был вынужден заметить, что кружка с медом больше кружки морса. Себастьян каждый раз печалил факт того, что алкоголь пользуется большими почестями и большей популярностью, чем вкусный и полезный напиток.

Юноша слегка опешил от благодарности, дрожащими губами сотворил некое подобие скромной улыбки и снова убежал в кухню.

Друзья пододвинули к себе миски со свиным мясом и кашей, с аппетитом начиная наполнять желудки. Мясо было хорошо прожарено, вкусный горячий сок сочился из каждого кусочка. Каша была немного водяниста и все же вкусна. Себастьян сделал вывод, что в «Дубовом трактире» готовят весьма сносно, правда, кусок ржаного хлеба показался паладину немного черствым. Впрочем, он сейчас был настолько голодный, что с удовольствием принял вовнутрь всю еду, что для него принесли. Волколюды, в отличие от Себастьяна, не пользовались столовыми приборами. Его звериные челюсти хорошо разгрызали даже самое жесткое мясо. Что и говорить, они справлялись и с сырым! Поэтому Джаспер быстро покончил со своей едой и, отрыгнув в сторону, спросил:

– Значит не сектанты виноваты?

– Нет. – Себастьян глотнул морса. – Виноват был сын одного трактирщика. И его банда. Тролли.

Джаспер едва не поперхнулся:

– Кто-кто? Тролли?

– Не в буквальном смысле, – объяснил Себастьян. – Старая легенда о троллях, которые сидят под мостом и обзывают всякого, кто по нему проходит. Банда глумилась над всеми без разбора. Они закидывали оскорбительными листовками особняки дворян, членов городского совета. Теперь до нас добрались. Сказали, что они не сектанты, просто любят делать пакости. Вроде физически никто не пострадал, но, скажи, разве нормальный смертный станет над кем-то глумиться? Это какой-то духовный садизм! И знаешь, Джасп, если дать им волю, то оскорблениями дело не закончится. Они ненормальные!

– Так, – заявил Джаспер. – Это я здесь ненормальный, прошу не оскорблять меня, сравнивая с этими... Кстати, я слышал о них.

– Расскажи, – попросил Себастьян.

Он подпер ладонью подбородок и приготовился слушать.

– Помнишь, несколько лет назад, такой же зимой из-за собак чуть было не случилась трагедия? – начал волколюды. – Где-то во дворах Района торговцев на девушку, которая несла в руках корзины с продуктами, напала свора исхудалых дворняг. По слухам, их было около десяти, неизвестно, что бы могло произойти, если бы не случайно оказавшийся поблизости дворник. Он убирал снег и, естественно, кроме лопаты, ничего в руках не имел. Увидев случившееся, он незамедлительно бросился на помощь. Разогнал собак лопатой и спас бедную девушку!

– Любой бы поступил также, – отметил паладин.

– Не будь наивным, Себастьян. Далекое не каждый. Своя шкура дороже, – не согласился Джаспер.

– Ложь. Окажись там один из твоих сородичей, зверолоуд, то мог одним взглядом прогнать целую свору.

– Ой, друг, не надо вот сейчас этих сказок, – прервал паладина волколюды.

Он прервался, вытащил из сумки трубочку, заправил ее табачком, поджег, взяв свечку и, сгорая от нетерпения, закурил. Себастьяну в нос ударил едкий запах, или даже вонь вишневого табака, он на секунду зажмурился и скривил нос, но говорить ничего не стал. Волколюды и так устал от его нравоучений.

– Так вот, – продолжил Джаспер, в блаженстве покуривая. – Тролли, как ты их назвал, прознали о случившемся. Но вместо того, чтобы выразить уважение дворнику, они стали рас-

пространять шуточки о том, что это не дворник вовсе, а храбрый паладин, что счел свои долгом защитить девушку от Абсолютного зла. Но не имел при себе меча, поэтому сражался священной лопатой.

– Что это за бред? – возмущенно воскликнул божественный поборник и даже вскинул руками, и ложка в его руке едва не полетала стрелой к потоку.

– Тише ты, – шикнул на него Джаспер и пробежал глазами по столам вокруг. – А этот сынок трактирщика сам местный?

– С Островного государства – ответил Себастьян.

Он вдруг представил себе лазурные берега песчаных островов, где кокосы падают прямо под ноги... Жаль, Орден Феникса Порядка не имеет там никаких представительств. А если бы даже имел? Какое он, Себастьян, имеет право даже помышлять об этом?

Мерзни, трусишка, мерзни.

– А! – Джаспер хлопнул в ладоши. – Тогда чего ты хотел? Лютиков – цветочков? У них черное давно стало белым. Преступники там носят золото, а герои кандалы. Впрочем, в азартных играх там толк знают, да. И поверь, Себастьян, большинство людей...

Джаспер не смог закончить фразу. В трактире послышался сильный грохот, звон бьющейся посуды и самые отвратительные ругательства.

У стола, что стоял близко к входу, начинали стремительно назревать проблемы. Мальчишка, заменяющий трактирщика, оступился и опрокинул поднос, на котором стояло несколько бокалов пива. Теперь оно темной жидкостью стекало со столешницы, образовывало на полу лужи, а самое страшное, часть напитка находилась на одежде широкоплечего, небритого мужика, с плешью на голове. Тулуп из овечьей шерсти весь промок и стал чем-то похож на выкупанную в воде кошку. На зеленых шосссах, образовалось темное пятно. По нетрезвому, покрасневшему лицу и венам, пульсирующим на сжатых кулаках, было заметно, что произошедшее нисколько не устраивает посетителя.

Юный трактирщик дрожал и трясся от страха.

Себастьян знал, что такое страх, страх лишаящий разума и воли. Тот, кем овладевает сильный страх, не способен внятно говорить, быстро действовать, адекватно смотреть на ситуацию.

Паладину ли не знать.

Все звуки в помещении трактира стихли. Посетители разом перестали чавкать, стучать и греметь посудой. Их глаза были направлены на происходящее, но никто и не думал вмешиваться, все просто неподвижно сидели и глядели, подобно зрителям в театре. Или амфитеатре.

Сейчас, Себастьян был уверен, кто-нибудь крикнет «убей» и опустит большой палец.

В трактире отчетливо раздавались агрессивное сопение мужика и обрывистое дыхание юноши. Джаспер внимательно смотрел на реакцию своего друга и с сожалением замечал, как тот потихоньку приподнимается с места. Кроме волколюда на это никто не обращал внимания.

– П-п-ростите... п-по-жалуй-ста... Я случайно, пол нер-р-овн-ный... – заикаясь пробормотал юный трактирщик, его губы дрожали.

– Малолетняя тварь, – прошипел мужик, после чего взял мальчишку массивной рукой за подбородок и отпихнул его, в результате чего последний стукнулся спиной о столешницу. Юноша ойкнул и вздрогнул. Затем посетитель взял со стола бокал с недопитым пивом и плеснул его в лицо молодого трактирщика.

Мальчик зажмурился и постарался никак не реагировать на то, что по его волосам, щекам и глазам стекает темный, липкий напиток. Юноша не подозревал или не хотел подозревать, что можно сделать в данной ситуации, он просто склонил голову и постарался не смотреть посетителю в глаза.

– Чего встал, урод?! – разгневанно воскликнул мужик. – Давай, неси деньги! И еще сотню экю лично мне!

– Я н-н-е могу, хозяин будет...

– Чего ты сказал, тварь?! Неси, иначе твои руки кривые отрежу! – брызжа слюной начал выкрикивать угрозы посетитель

Он выхватил из-за пояса длинный нож с широким лезвием, предназначенным для разделки мяса.

Мальчишка в ужасе и со слезами на глазах взглянул на оружие и едва слышно пролепетал:

– Я п-п-принесу...

– Пошел!

– А ты знаешь, что это называется ограблением? – обратился паладин к посетителю, встав с лавки и подойдя поближе.

– Я сам знаю, что как называть! – огрызнулся мужик. – Не лезь в чужие дела, приятель. Понял? Без причиндалов хочешь остаться?

– Брайан, – сказал один из его нетрезвых друзей. – Ты на накидку посмотри! Это ж феникс! Лучше не связывайся с паладином!

– Заткнись, придурок! – ответил Брайан приятелю, затем повернул голову в сторону Себастьяна. – Вали отсюда, паладин! Или ты посмеешь обнажить меч против человека?

Я паладин, и моя цель защищать смертных, да не поднимется мой меч против них. Прозвучала в голове голосом Тобиаса Шумейкера вторая строчка присяги. Поборник Ординума не сказал ничего (но сказать хотел многое), только положил левую руку на рукоять и легонько отодвинул ножны назад, ближе к спине.

В Ордене мало времени уделялось рукопашному бою, ибо кулаки против Абсолютного зла не помогут. А Себастьян уделял ему еще меньше времени, за что и может поплатиться сейчас.

Хотя это его не останавливало.

– Успокойся, немедленно. И извинись перед парнем. Точнее, попроси прощения. Он, в отличие от тебя, не желал никому зла, а просто выполнял свою работу, – постарался спокойно говорить Себастьян, хотя в его сердце было желание научить мужика культурному поведению с помощью столешницы.

– Я не собираюсь извиняться перед этим уродом! Если не уйдешь, тоже получишь! Думаешь, я боюсь тебя? Да вы, паладины, не способны без меча и щита вести бой!

– Себастьян, ты лучше... – предупреждающе произнес волколуд. Себастьян не обернулся, вместо этого на Джаспера удивленно взглянул юный трактирщик.

Взгляд паладина был направлен только на Брайана и его мясницкий нож.

– Положи нож и уходи, и больше никого не трогай, – предложил Себастьян, выдавливая эту фразу из себя. Ему сейчас вспоминался мальчик в придорожной часовне. Которого сначала лишили языка, а затем и внутренних органов.

– А я вот сейчас возьму и прирежу юнца! – пригрозил мужик и поднес острие оружия к горлу мальчишки, тот весь сжался, но не смог из-за своего состояния выставить руки перед собой или хотя бы как-то спасти свою жизнь.

Себастьян стремительно подался вперед, надеясь схватить руку Брайана, как тот резко повернулся на месте и сделал выпад в сторону паладина.

Поборник повернул туловище, пропуская удар, затем моментально перехватил руку противника в районе локтя, крепко ее сжал, вывернул, а правой рукой взял мужика за горло и повалил на пол.

Брайан взревел, а паладин перевернул его к себе спиной и заломил ему руки, отнимая нож и выкидывая его в сторону. Мужик сопротивлялся, но при каждом движении Себастьян сильнее выворачивал руки.

Ординум, помоги!

– Ааа, тварь, пусти, руки сломаешь! – завопил мужик, пуская слюну на пол.

- Брат! – крикнул Себастьян Джасперу.
- Помочь? – ответил тот и быстро подбежал к Себастьяну.
- Нет. Беги, найди стражу, приведи сюда.
- Понял, друг – кивнул Джаспер и выбежал из трактира.

Паладин прижал противника, слушал его невнятную брань. Дружки Брайана были куда более трусливыми, чем он. Оба тихо сидели на своем месте и не пытались спешить мужику на выручку.

Однако один из них, жилистый и небритый приподнялся с лавки и произнес дрожащим голосом:

– Паладин, отпусти Брайана, мы тоже можем схватить кого-нибудь. Вон хотя бы неуклюжего мальчишку!

Второй мужчина, такой же жилистый, пожух и начал сползать под стол, шепча себе под нос ругательства. Себастьян не знал, блефует ли приятель Брайана, но постарался сдерживать свои порывы немедленно броситься на помощь, которая пока юному трактирщику не требовалась.

Тем временем второй дружок окончательно сполз под стол, паладин сделал вывод, что мужчина не просто испугался, он еще и испытывал стыд за своих друзей. Однако, как только Себастьян предположил это, приятель Брайана молниеносно выбрался из-под стола, схватил лежащий неподалеку от мужика и паладина нож и приставил его к горлу мальчишки:

– Отпусти Брайана, или я убью щенка! – закричал мужчина, его голос дрожал и срывался.

Себастьяну стало страшно за жизнь мальчишки, хотя он и осознавал, что мужчина не станет убивать молодого трактирщика, хотя бы потому, что сюда скоро придет стража, и много свидетелей вокруг, которые даже не собирались вмешиваться, а старались оставаться в стороне. Просто наблюдали!

– Я сейчас отпущу, – дрожащим голосом произнес Себастьян и стал медленно приподниматься, освобождая руки Брайана, – положи, пожалуйста, нож.

Сердце поборника колотилось, он не хотел, чтобы по его вине снова погибли. Он понимал, как защитить себя, но ведь другим тоже требовалась защита. А самое главное, молитва, если ее прошептать, не причинит вреда людям! От этого ситуация становилась еще сложнее. Гнев и страх овладели душой паладина. Он ненавидел этих пьяноватых дружков, ненавидел каждого посетителя!

Мужик, кряхтя, встал с пола и размял руки и шею.

– Тварь паладинская... – сквозь зубы прорычал он.

– Я отпустил его! – гневно закричал Себастьян.

– Смотри-ка, паладин предался греху гнева! Да еще и против смертного! – ехидно произнес Брайан, – Отпусти, отпусти, я сам закончу.

Мужчина убрал лезвие от горла мальчишки и передал Брайану.

– Ну вот, увидишь сейчас... Я не хотел, но придется.

– Сейчас сюда придет стража! – предупредил паладин, он чувствовал, как начинает терять над собой контроль.

– Ну и что, я ведь самого паладина заставил мне задницу лизать! – засмеялся мужик.

У Себастьяна появилось жуткое, практически непреодолимое желание выхватить меч и убить своего противника. Но здравый смысл подсказывал, что лучше этого не делать. Однако в какой-то момент Брайан ухмылкой напомнил человека по прозвищу Змей.

– Ублюдок! – выпалил паладин и с ноги ударил мужику поддых.

Тот закашлялся, согнулся и принялся жадно глотать воздух, мясницкий нож со звоном упал на землю.

Двери «Дубового трактира» распахнулись. В помещение вбежало четверо стражников, шлема и доспехи которых были покрыты крупинками снега.

Одним из стражников был лесной эльф, это встречалось редко. Хотя многие эльфы работали на стенах, как первоклассные лучники. Эльф, подобно своим сородичам, был невысокого роста, с изящной, грациозной фигурой.

– Кто здесь устраивает беспорядки? – громким басом спросил посетителя стражник высокого роста, с выдающимся подбородком. Этот имел звание сержанта городской стражи Эйджеггта и носил гербовый наплечник.

Юный трактирщик трясущейся рукой указал на Брайана.

– Значит, ты? – поинтересовался стражник и рывкнул. – Встань прямо!

Мужик послушно выпрямился и убрал руку с ребер. Стражник перевел взгляд на поборника Ординума.

– Так, феникс... – задумчиво произнес он, рассматривая накидку Себастьяна. – Ты из Феникса Порядка, верно?

Себастьян кивнул. Он был не в том состоянии, чтобы что-то говорить. Он сейчас даже мыслей своих не ощущал, а душой управляли одни эмоции.

– Что случилось? – допрашивал сержант, ни один нерв на его грубом лице не дрогнул.

– Можно я расскажу? – тихо пробормотал мальчишка.

– Хорошо, – согласился стражник. – Я знаю от зверолода, что ты случайно пролил пиво, а этот посетитель стал тебе угрожать, так?

– Да... Господин, вернее сэр паладин выручил меня... Он повалил на землю вот этого... – начал рассказывать юноша и указал пальцем на Брайана, – а потом другой приставил мне к горлу нож, и тогда паладин отпустил того... И он снова начал угрожать и издеваться.

Сержант поднял с пола мясницкий нож, повертел его в руках, снял кольчужную рукавицу и попробовал пальцем лезвие.

– Этот нож? – спросил он.

Мальчишка кивнул.

– Он затупленный, но это ничего не меняет, – стражник оценивающе окинул стоящих мужиков, – Стража, вводите этих.

Двое стражников среднего сложения, вывернули руки Брайану и его приятелю и вывели обоих из трактира. Мужик бранился и даже пытался сопротивляться, однако стражника сложно сломить.

– А этот с ними? – спросил командир у юного трактирщика и указал на последнего, третьего друга Брайана. Тот, услышав как говорят о нем, забился к краю лавки и прижался к стене.

– Да, он тоже угрожал... словами.

– Понятно, – ответил стражник. – Этого тоже забирай.

Стражник-эльф полез за мужчиной и начал насильно его вытаскивать из-за стола, однако тот прижался к стене и начал громко и трусливо вопить:

– Меня-то за что? Я ничего не делал, я только сказал, только сказал!

– Мне плевать, пойдешь как соучастник, – отрезал командир и жестом приказал эльфу забирать нарушителя. Мужчина сопротивлялся и даже пытался махать кулаками, но у эльфа была слишком крепкая хватка.

– Господин, я могу заплатить! – пообещал приятель Брайана.

– Что?! – проревел стражник.

– Ну, деньги, конечно, у меня есть, я достану!

– Выводи его сюда! – с яростью рывкнул командир.

Чтобы вытащить мужчину, пришлось даже перевернуть стол. Когда же, наконец, приятеля Брайана удалось выволочь, словно мешок с картошкой, к входной двери, к нему подошел сержант и с размаху ударил кулаком по лицу. Мужчина чуть было не свалился, но руки эльфа хорошо его держали.

– Еще про взятку вякнешь, крысами будешь питаться... Если тебе их в темнице дадут, а дадут только, если ты свой зад тамошним заключенным предоставишь! – сквозь зубы, обрызгивая нарушителя слюной, процедил сержант.

Приятель Брайана затрясся и стражник эльф вытолкнул его из трактира.

– Живой, парнишка? – спросил стражник у мальчишки.

– Живой... – ответил тот, держа руку на сердце.

– Проводишь его до дома? – обратился стражник к Себастьяну.

– Да... – медленно проговорил Себастьян.

– И впредь, паладин, не вмешивайся. Ты, видно, молодой, но у вас работа своя, у нас своя. Преступник пьет пиво, а не кровь.

Сержант придвинулся к паладину вплотную и закончил фразу, шепча предупреждения:

– Еще раз увижу, как ты пытаешься самостоятельно поймать преступника смертного и разумного, сделаю так, что медальона ты лишишься. Усек?

После этих слов сержант моментально покинул «Дубовый трактир». Самый настоящий бес-трактир. По крайней мере, таковым он будет отныне для Себастьяна.

– Ну что? – обратился к паладину Джаспер, который все это время стоял возле входа, скрестив руки на груди.

– Все, как видишь. Спасибо, что помог, Джаспер. – угрюмо ответил тот.

– Не за что. Должен тебе сказать, что я бы на твоём месте поменьше вмешивался в чужие дела, ты ведь правда можешь лишиться медальона... и жизни...

– Я должен был стоять и смотреть, так, по-твоему?! Оставить мальчика на произвол судьбы?! – резко произнес божественный поборник.

– Просто надо было сразу пойти за стражей. Ты бы еще меч выхватил, честное слово. Трибунала не боишься?

– Знаешь, однажды я уже постоял в стороне, трясясь от страха!

– Себастьян, прошу тебя, не начинай... Держи свои эмоции в руках! Какой же ты паладин тогда?

– Да что ты знаешь о паладинах, Джаспер?! Что ты знаешь?!

– Я знаю... Впрочем, это неважно... Я просто хотел дать дружеский совет.

– Он мне не нужен, – отрезал Себастьян.

– Я заметил, – сказал напоследок волколуд и покинул «Дубовый трактир» не попрощавшись

В обычное время Себастьян бы кинулся вдогонку, и попросил бы у лучшего друга прощения. Однако, после произошедшего, паладина вообще ничего не интересовало. Он не мог адекватно оценивать окружающую действительность, он испытывал злость и одновременно боль, от которой хотелось выть и рыдать. На Себастьяна давило поведение противников, собственное поведение, безразличная реакция других посетителей, что после ухода стражи вернулись к своей еде и питью и принялись разговаривать, будто все было хорошо. Давило оскорбительное предупреждение сержанта! Когда надо, их рядом нет. К тому же этот Брайан, он скверны порядочно наелся! Его поборник Ординума с удовольствием причислил бы к Абсолютному злу.

Но это потом. Сейчас Себастьян сел на лавку и дотронулся рукой до лба, что казался чрезмерно горячим.

***

Ночь в Эйджгейте стояла непривычно тихая. Северные ветра, приносящие в город стужу, и серые тучи утихомирились и заснули. Ставни на окнах больше не скрипели, стекла перестали дребезжать, пугая маленьких детей.

А когда завеса ледяной темноты немного приоткрылась, наступил самый чудесный момент с начала зимы. Перед взором появляется ослепительное и завораживающее ночное небо...

Только такой морозной ночью, можно увидеть мириады звезд и созвездий...

И каждая звезда хранит определенную легенду. И каждое созвездие – это небесный рисунок в память о тех, кто сгинул навечно.

Джеймс, которого все называли просто Джимми не хуже звездочета умел их различать. Он видел и поющую Ундину, и вставшего на дыбы Единорога, и вскинувшего бивни Мамонта. И Феникса, конечно, Феникса.

Когда зажглось его созвездие – закончилась Всея Война и наступила Эра Богов. Фениксы вымерли, они принесли себя в жертву, предупреждая смертных об опасности, о том, что Темные Боги пришли в материальный мир, о том, что Абсолютное зло дало приказ начать кровавый пир, о том, что началась Всея Война!

Тогда паладинов еще не было.

Паладинов, таких, как тот бесстрашный человек, идущий впереди.

Джимми взял голой ладонью снег и смял его в кулаке. Холод охватил руку, мышцы и кости свела судорога, но юноша терпел, он знал, что заслужил эту боль. Мужчина, что пресмыкается перед врагом и теряет свое достоинство, не более чем жалкий трус, что не заслуживает ходить по улицам Эйджгейта.

По изящным улицам, мимо дворцов, храмов, памятников должны ходить лишь славные воины, рыцари и... паладины.

Он и по трущобам пройдет, не шелохнется, а вся местная шпана попрячется по норам!

И что бы сейчас было с юношей, если бы не этот паладин? Наверное, Джимми бы лежал избитый, за «Дубовым трактиром» в куче собачьего дерьма и помоев с кухни.

Но поборник Ординума его спас. А сам юноша только и мог, что стоять испуганный, едва не плача, перед противником и невнятно что-то мямлить в ответ на оскорбления и угрозы. Джимми опротивело от себя настолько, что он желал отдать свое никчемное тело на растерзание демонам.

– Ты там идешь? Не останавливайся, а то замерзнешь, – сказал паладин. Джимми в раздумьях даже не заметил, как сам собой остановился и, словно зачарованный ворожеей, смотрел в одну точку.

– Да... да, я иду, – тихо промолвил юноша и поспешил за своим проводником.

Сейчас они вдвоем шли по узким длинным улочкам, мимо ветхих двух- и трехэтажных домов и инсул. Типичный пейзаж городских трущоб.

О Эйджгейт, как ты двуличен!

Дворцы, храмы, роскошные особняки и богатые трактиры города искусно скрывали в своем искрящем величии старые дома без окон и с покосившейся крышей, темные тупики и глубокие отхожие ямы.

Музыка менестрелей, громкий голос герольдов и звонкий смех богатых дам заглушали ночные вопли бедных кварталов, а запах благовоний надежно закрывал обоняние от неприятно запаха сточных канав, перегнивших отбросов и немых тел бедняков.

Джимми был одним из немногих жителей трущоб, что хотели выбраться из этого вонючего болота... Остальные же жители, эти свиньи, отнюдь не спешили. Им было гораздо комфортнее в зловонной трясине.

В трущобах стояли свои законы, присутствовала некая свобода от городских властей и даже короля с Советом Смертных. Стража появлялась в бедных кварталах крайне редко, поэтому трущобные банды могли наслаждаться жизнью, грабя таких же бедняков, как они, и насилуя немых женщин.

Пожалуй, самым ужасным было абсолютное бездействие остальных жителей трущоб. Это бездействие было похоже на сегодняшнюю реакцию посетителей «Дубового трактира». От этого Джимми было еще тяжелее идти и вдыхать морозный воздух. Юноша сам лично видел, как в одной из темных подворотен насиловали дочь одного старого нищего, а потом еще кинули пару медяков к его босым ногам и произнесли: «Держи, старик! Купи дочке хлеба, а то она так старалась, так старалась!»

Но чего хотел Джимми от других, если сам ничего не делал? Он только мечтал выбраться из ненавистной комнатки, что пугала его, и работал за гроши в «Дубовом трактире»!

Нет, юноша недостоин, жить лучше и быть сильнее, как недостоин старик, отдающий свою дочь на растерзание двуногим вырождакам, как недостойны соседи за стеной – супруги средних лет, что весь день друг друга избивают и поносят, а ночью устраивают настоящий концерт животной страсти и похоти. Единственным достойным человеком, и не только человеком, для Джимми был этот божественный поборник, этот паладин.

– Сэр паладин! – обратился юноша к паладину, когда они проходили очередной темный перекресток.

Человек остановился и обернулся. Его лицо закрывал капюшон мехового плаща, только каштановые волосы ниспадали на плечи.

– Что случилось? – спросил паладин.

Юноша только что заметил, что его голос был воинственный и одновременно мягкий, добродушный.

– Вас же... Себастьяном зовут?

– Да. Откуда ты знаешь? – удивился паладин.

– Ваш друг, тот, что зверолод, он так к вам обратился... – объяснил юноша.

– Вот оно что... – протянул Себастьян. – К сожалению, твое имя мне пока неизвестно.

– Я Джеймс, но меня называют просто Джимми. – смущенно произнес юноша и посмотрел на снег.

Поборник отпрянул и пробормотал себе под нос что-то, что юноша не разобрал.

– Что с вами? – испуганно спросил Джимми.

– Как же ты, Джимми, оказался в таком жутком месте, как «Дубовый трактир»? – спросил паладин, подойдя чуть ближе.

– А что не так?

– Нет, это обычное дело... – заметил паладин. – Но, мне показалось, что ты... не слишком подходишь для этого места.

– Так получилось... – пробормотал Джимми, надвигая шапку сильнее на лоб.

– Прискорбно, – вынес вердикт Себастьян.

– Сэр Себастьян... – начал юноша.

– Не называй меня сэром, хорошо? Я еще не привык к этому титулу, – попросил паладин.

– А вам...

– Двадцать.

– Мне шестнадцать... А как вас тогда называть?

– Некоторые зовут меня по фамилии, Ардентэлом, другие Себом, – ответил паладин и устался на крышу одного из старых домов, с которой только что свалился снег.

– Моя фамилия Мерчент, но никто не зовет меня Джеймсом Мерчентом, – стыдливо признался мальчик. – Если бы у меня были друзья, они называли бы меня просто Джимми. Себастьян добродушно усмехнулся и жестом позвал:

– Пойдем, Джимми, а то замерзнем здесь.

– Конечно, – согласился Джимми и даже улыбнулся.

– Долго нам еще?

– Один или два квартала...

Они продолжили свой путь через холодные и темные силуэты трущобных домов.

– Ты так и не ответил, как оказался в работниках трактира, – напомнил через какое-то время Себастьян.

– Я приехал сюда, чтобы учиться, – нахмурился Джимми, словно не хотел отвечать на данный вопрос.

– В Университете или подмастерьем? – уточнил паладин.

– В Университете, – кивнул юноша и тяжело вздохнул, вбирая легкими как можно больше свежего воздуха. – Мой отец купец, как и его отец, и отец его отца... Отец хотел, чтобы я стал каким-нибудь клерком или архивариусом.

– Не припомню, чтобы видел ученика Университета среди работников трактиров, тем более купеческих детей, – заметил Себастьян, когда они повернули на другую узкую улочку.

– Потому что их там нет, – ответил Джимми и понуро продолжил. – Я больше не студент. Учеба меня не слишком привлекала, я хотел другого, иной судьбы... Будь я посильнее, я бы обязательно пошел в паладины...

Себастьян Ардентэл остановился на миг, обернулся, после чего пошел дальше и лишь через минуту спросил:

– И зачем тебе идти в паладины?

Юноша удивился этому вопросу, он считал, что каждый из паладинов более чем доволен своей работой, точнее сказать, судьбой и долгом. И, соответственно, каждый паладин понимает, ради чего многие хотят служить Ординуму и сражаться с Абсолютным злом. Однако вслух Джимми ответил:

– В твоём ордене я бы мог стать героем, заслужить признание среди смертных... Мне бы не пришлось сидеть перед бумагами или носить подносы с алкоголем.

– Только поэтому? – спросил Себастьян недоверчиво.

– Ну, я думаю, что паладины не сталкиваются с такими, как этот пьяница.

– Зато сталкиваются с кое-чем пострашнее и намного опаснее, – заверил юношу поборник Ординума.

– Я думаю, все эти порождения зла более уязвимы и, наверное, помнят о чести, – предположил Джимми и пожал плечами.

Себастьян Ардентэл резко развернулся на месте, проторив сапогами снег, и уставился на юношу. Тот хоть и не видел глаза паладина, чувствовал, что они смотрят на него прямым, серьезным и немигающим взглядом. Юноше вдруг захотелось исчезнуть, испариться, только бы не ощущать такой взгляд на себе. Более того, Джимми не понимал, чем вызвал подобную реакцию.

Что я сказал?

– Ты в этом уверен? – резко выпалил паладин, его голос пронесся по пустынной улице и утонул в одном из переулков, – Ты точно в этом уверен?

Себастьян положил руку Джимми на плечо и стал ждать ответа, немедленного ответа. Джимми вздрогнул и неуверенно промямлил:

– Я не знаю... Я думал, что так.

– А раз не знаешь, то не делай никогда таких выводов! – крикнул Себастьян, – И не смей говорить, что Абсолютное Зло помнит о чести!

– П-простите... Прости, я не хотел, я не понимал...

Паладин тяжело задышал и закрыл лицо рукой.

– Я честно не хотел вас... обидеть, – виновато и тихо произнес юноша.

– Нет, все в порядке, – спокойно, но устало ответил паладин, – Просто... неважно.

Он замолчал и развернулся, чтобы идти дальше.

– Мы скоро придем? – спросил Себастьян.

– Да, – ответил Джимми, внимательно глядясь в ночную тьму, ища в ней знакомые места. – Мой дом в конце, близко к стене.

Он указал рукой на дальний конец улицы, где дома прилегали к массивной, каменной стене, что сейчас стояла обледеневшей и от этого казалась еще более внушительной. Двадцатифутовая громадина отделяла Район Торговцев от Рабочего района.

– Ясно, сейчас уже придем – отметил для себя поборник, – Ты все никак не можешь до рассказать. Я понимаю, тебя выгнали из Университета?

– Да... – с сожалением согласился юноша, – Я стал много лениться, но все из-за того, что хотел другой судьбы.

– Людским богам виднее, какая у тебя судьба.

– Я думал, – признался Джимми, – каждый смертный, а особенно человек, может сам творить свою жизнь.

– Лишь отчасти... Я тоже считал иначе, когда был мальчишкой. Но сейчас я знаю, что Людские боги, а особенно Ординум, дают каждому свое предназначение. Кто-то должен быть стражником, кто-то торговцем, кто-то шутом. Кто бежит от своей судьбы, но она настигает тeneвым демоном, – объяснил паладин Себастьян.

– В чем же волен человек?

– Наверное, он сам выбирает путь, который его приведет куда нужно. Вот ты, если бы сразу отнесся к наставлениям своего отца с уважением, может и не оказался бы в этом бес-трактире, – предположил паладин.

– Вам легче говорить, вы, наверное, все детство грезили о судьбе паладина, – грустно заметил юноша.

– Ошибаешься, – признался Себастьян. – Мы пришли.

Мальчик с грустью заметил, что снова очутился в жутком месте, возле ветхого трехэтажного дома, что стоял на пересечении с другой улицей, что назвалась Тупиковой, так как вела именно к тупику. Как же юноше не хотелось, чтобы паладин уходил, бросая его одного в этой дыре!

– Спасибо большое, сэр Себастьян Ардентэл... – постарался по-дружески поблагодарить своего сегодняшнего спасителя юноша.

– Да чего там... – ответил паладин, смотря при этом в сторону покатой крыши, с которой только что скатился очередной ком снега, – Я рад был помочь.

– Тогда я пойду домой, выплыву... Завтра снова в трактир – недовольно произнес Джимми.

– На твоём месте я бы там больше не появлялся.

– Что поделаешь...

– Береги себя, Джимми – улыбнулся поборник и протянул руку, что бы пожать руку Джимми, – Если что-то понадобится, обращайся. Знаешь, где Орден Феникса Порядка?

– Да... Примерно.

– Приходи, спроси Ардентэла.

– Я запомню, – радостно пообещал Джимми, ответил паладину тем же жестом, – До встречи, сэр Себастьян.

– До встречи... – ответил Себастьян Ардентэл, после чего зашагал в сторону, откуда они пришли.

Джимми же вдруг почувствовал, как ему стало зябко и холодно на зимней улице, и поспешил скрыться в темноте подъезда, пропитанного затхлым запахом. Темное помещение не пугало юношу, а запах совершенно не тревожил нос. На душе было как-то спокойно, легко. Даже произошедшая беда начинала отпускать разум. Ведь и в ней нашлось что-то хорошее, например, знакомство с паладином Ордена Феникса Порядка.

***

Маленькая, сжатая, как сжимают тиски, комнатка, встретила Джимми непролазным мраком пространства неровных стен и обветшалой мебели. Сквозь узкое, воющие от сквозняков окно, едва пробивался уличный свет. В темноте любой предмет видится чудовищем. Например, груда хлама походила больше на миниатюрный курган, а отсыревшее одеяло из лоскутков, превращалось в скалы. Но большая часть темноты, ее огромный кусок, формировалась в углу... В моменты, когда юноша не мог заснуть, ему казалось, что там сидит темная сущность, потерявшая свою форму, и терпеливо выжидает время, прежде чем напасть.

– Спокойно, брат. Здесь нет ничего страшного, обычная комната, – вполголоса произнес Джимми, успокаивая сам себя.

Он хотел сбросить с себя теплый тулуп из овчинной шерсти, однако заколебался, и все же не решился на подобные действия.

– Замерзнешь, – коротко бросил юноша.

В холодное время года сквозняки практически не покидали старый дом. Они блуждали по его коридорам, таились под лестницей и посещали комнаты жильцов, стараясь погасить огонь в чугунных печах у тех, кто их имел.

Джимми не желал своему обиталищу ничего доброго, однако был рад, что ему удалось снять комнату с кирпичной печкой, что служила одновременно и камином. Огня в очаге не хватало, чтобы как следует подогреть еду и осветить помещение, труба постоянно засорялась, а тепло и жар пламени порой не спасали от стужи, бушующей снаружи.

Некоторым приходилось отапливать свои комнаты «по-черному», задыхаясь дымом и запахом гари. Другие вообще не имели печей, и единственным спасением в зимнее время для них были лоскутки рваной одежды, одеяла, покрытые плесенью из-за сырости. Джимми было известно о больших семьях, что прогревали свое жилище одним дыханием. В подобных семьях даже справляли нужду в своих комнатках, нарочно забывая об уборных на этаже, что вели в подземные акведуки.

– Нужно найти кресало, – напомнил себе юноша и аккуратно прошел к столику, стараясь не создавать лишнего шума.

– Осторожно, не разбуди хозяина, – произнес Джимми.

– Не разбужу, я тихо. Тихо, – ответил он сам себе.

Хозяином, а точнее хозяйкой, была сварливая, сильно расплывшая женщина, что любила вопить по любому поводу чрезвычайно визгливым голосом. Внешне она напоминала болотного монстра, которого Джимми однажды видел в старой книжке.

К Джимми она испытывала ненависть и срывала на нем злость, если он попадался ей на глаза. Юноша долгое время мечтал отделаться от невыносимой хозяйки и не желал ей ничего хорошего, пока однажды не услышал разговор между двумя костлявыми старухами.

Оказалось, что под толстым слоем жира и заляпанной одежды, скрывалась несчастная девушка, которую будто проглотил этот самый безобразный монстр с болот. Когда-то, если верить услышанному, хозяйка была весьма привлекательной и жила вовсе не в трущобах Района торговцев, а в одном из прекраснейших домов Знатного района. Мужем ей приходился один из младших командиров Королевской гвардии, рыцарь Ордена замка.

Однако рыцарь погиб от несчастного случая на учениях, в то время, когда его жена носила ребенка. Не перенеся горя, теперешняя хозяйка трущобного дома, сделала выкидыша в одной из столичных больниц, за что была жестоко наказана своей свекровью. Женщина осталась на улице, и, скорее всего, померла бы, если бы ее не подобрал милосердный старик, который в то время и заведовал всеми делами этого старого дома. Старик женился на бедной женщине, а после его смерти она стала новым хозяином. И, в отличие от покойного мужа, не проявляла милосердия, а только без конца поднимала цены на жилье, дабы купить себе побольше алкоголя.

История, рассказанная старухами, научила Джимми лояльнее и снисходительнее относиться к негодьям различного профиля. Но лишь отчасти. Порой, как сегодня, юноша мог испытывать лишь страх перед ними, а после ненависть.

Джимми рыскал в гряде полезных вещей и безделушек, лежащих на столике, высматривая в темноте мешочек, что содержал в себе огниво. Только, к большому раздражению юноши, под руку попадались предметы бесполезные в разведении огня. Приходилось откладывать в сторону потрепанные книги в кожаных и тканевых переплетах, со страницами из пергамента или жесткой бумаги, поломанные перья, пустые чернильницы, деревянные ложки, глиняные игрушки, купленные на ярмарке. Вскоре, рядом с основной грудой вещей, на столе образовалась новая возвышенность и, возможно, все вещи перешли бы на нее, если бы в процессе поиска, что-то с грохотом и стуком не свалилось на пол.

– Грязные демоны! – выругался Джимми и поднял с пола упавший предмет.

Им как раз оказался необходимый кожаный мешочек с огнивом. Юноша испуганно приложил ухо к полу, прислушался к шуму в нижней комнате, а когда убедился, что там – тишина, с облегчением вздохнул.

– Наверное, хозяйка слишком много выпила сегодня, – сделал вывод Джимми, направляясь к печи.

– Впрочем, может она уже идет сюда? – спросил он сам себя.

– Нет, иначе сейчас должна была стоять такая ругань, что посетители «Дубового тракта» бы покраснели от стыда.

– Верно, верно.

Юноша вытащил из мешочка кресало, кремь и трут, и, сложив поаккуратнее дрова в печи, зажег очаг. Через минуту всю комнату наполнил тусклый, оранжевый свет дрожащего огня, оставляя во тьме лишь запыленные и обтянутые паутиной углы.

Джимми недолго постоял у огня, дабы согреть руки и тело, а затем, подошел к широкому, закругленному окну, желая закрыть ставни.

На чердаке, что как раз находился над комнатой юноши, послышались шорохи и громкие шаги, будто по полу передвигалась массивная фигура.

– Что это? – настороженно и испуганно спросил Джимми, устремляя беспокойные глаза к потолку.

– Не волнуйся, это наверняка бездомный. Они же постоянно залезают погреться к нам в дом, – ответил юноша сам себе, успокаивая душу.

– Точно?

– Скорее всего.

За окном, позади других трущобных домов и пелены густого дыма, вдалеке виднелся остроконечный шпиль грандиозного древнего монумента, прозванного Исполинским Обелиском. Уже несколько сотен лет Обелиск неподвижно стоит на одной из площадей Эйджгейта, не поддаваясь времени и жестокой погоде. Монумент нисколько не изменился, даже после Черного урагана, что буйствовал в Центральных землях сорок лет назад.

Практически каждую ночь и до самого утра, в золотой чаше у самой верхушки горело яркое пламя, рассеивая темноту вокруг. Даже сильному ливню было не по силам погасить его. Огонь возжигал рыцарь Королевской гвардии, подлетая к чаше на своем грифоне. Церемония зажжения привлекала к себе массу народа!

Еще бы, всем хотел посмотреть на настоящего грифона!

В отличие от других жителей, что считали огонь на Обелиске не более чем традицией, Джимми видел в нем нечто особенное, отличное от пламени в той же печи, или скажем, на факеле. Юноша очень часто, подходя к окну по ночам, вглядывался вдале, стараясь разглядеть каждое движение огня. Вот и сейчас он также привлек его, заставляя забыть о холоде и пустом желудке.

На улице, около дома, раздался звонкий, агрессивный лай бездомной собаки. Юноша отвлекся от своих размышлений и прислонился к окну, опираясь ладонями на замерзшее стекло. Однако узоры, оставленные морозом, мешали разглядеть скрытую во мраке улицу. Джимми с усилием потянул кверху створку, и она со скипом и дребезжанием открылась. Юноша высунулся в широкий проем и стал внимательно оглядывать улицу. К сожалению, несмотря на искрящийся снег и ясную ночь, разглядеть что-либо с расстояния двадцати шести футов было практически невозможно. По крайней мере, для человека. Джимми уже хотел закрыть окно, как лай повторился, стал громче и пронзительнее, затем резко оборвался.

– Да что там случилось такое? – спросил юноша, еще перед тем, как что-то капнуло ему на голову.

Джимми изумился и дотронулся до макушки. Волосы на ней были покрыты какой-то склизкой и мерзкой на ощупь дрянью, что юноша даже вздрогнул телом от неприязни. Он посмотрел вверх, его глаза вылезли из орбит, обнажая тем самым застывший в них животный страх. Джимми бросило в пот, а его размеренное дыхание участилось и стало обрывистым.

На юношу голодным, звериным взглядом уставилась безобразная морда с оголенными белыми клыками. Из широких ноздрей равномерно исходило тяжелое сопение. Чуть выше них располагались глаза, не имеющие зрачков и наполненные темно-красной жижой. Вся морда будто была растянута по непропорционально широкой голове, серая кожа просвечивала и обтягивала буквально каждую кривую кость. Довершали эту жуткую картину два длинных, оттопыренных и заостренных уха, похожие на уши летучей мыши.

Джимми, дрожа каждой частичкой, медленно стал выбираться из оконного проема, попутно обдумывая план спасения жизни.

Нельзя было терять время, и пока чудовище не опомнилось, что есть силы бежать, стучаться в двери соседей, искать себе укромное место, где тварь не достанет и не найдет!

Однако, назло всем демонам, Джимми будто застыл на месте.

Увиденное повергло его в шок, пересилить который юноша был неспособен. Хотя всей душой и разумом он понимал, что еще секунда промедления, и его тело превратится в массу костей, крови и внутренних органов. А затем эта масса наполнит ненасытный организм чудовища.

– Беги! Беги! Беги! – твердил Джимми, как завороченный, но не мог пошевелиться, только продолжал смотреть в пустующее окно.

Наконец он сделал шаг назад, едва не ударившись спиной о стол и, резко развернувшись, приготовился бежать к двери.

И вдруг, в этот момент юноша почувствовал, как острые когти врезаются в левое плечо, он громко закричал и закрыл глаза! А когда же они открылись, Джимми с ужасом осознал, что летит мимо трущобных домов.

А держит его длинной жилистой лапой крылатая тварь.

***

По просторному, восьмиугольному водовместителю гулял страшный сквозняк. Бойницы впускали в помещение мороз, который превращал пространство в ледяную пещеру.

Крылатое, безобразное чудовище принесло Джимми в заброшенную водонапорную башню, что располагалась в трущобах с давних лет. Когда-то в башне хранили воду, однако теперь в ней хранились лишь смрадные останки смертных. Строение возвышалось над всем кварталом, оно было таким Исполинским Обелиском для трущоб.

А вот среди местных жителей башня пользовалась дурной славой. Самоубийцы, которым надоело жить за чертой бедности, облюбовали это место еще десятки лет назад. Да и среди убийц водонапорная башня была популярна. Крутые винтовые лестницы, просторные бойницы

и опорные конструкции, торчащие из стен, позволяли выдавать любую смерть за несчастный случай.

Понятное дело, что после таких событий жильцы бедного квартала распространяли легенды о призраках, которые обитают в башне.

Юноша, как и остальные, побаивался строения и обходил его стороной, стараясь не тревожить старые стены шагами. Но в реальности все оказалось куда хуже, чем в городских легендах. Водонапорную башню заселяли существа, куда сильнее, чем самый опытный убийца, и агрессивнее, чем самая беспокойная душа.

И одно из таких существ сейчас находилось рядом и с аппетитом слизывало с холодных трупов застывшую от мороза кровь.

Монстр сидел сгорбившись, его покрытые мехом крылья были сложены, шли по голой жилистой спине и ложились на пол, подобно подолю платья придворных фрейлин или длинному плащу странника. Тварь с осторожностью и даже с неким изяществом копалась в зловонном месиве из изуродованных трупов, выискивая самые вкусные, в ее понятии, кусочки. Но монстр не ел их. Он был не тем трупоедом-падальщиком, что рыскали по старым склепам и катакомбам, разоряя могилы. Нет, у этой твари было больше разума. Она высасывала кровь своих жертв, а в зимнее время облизывала багровые сосульки, словно это было замороженное фруктовое лакомство, подаваемое на королевских пирах в качестве десерта. Однако водонапорная башня не дворец, а монстр не герцог и не король. Для него десертом был пойманный юноша, пока еще свежий и теплый.

Джимми лежал неподалеку от твари. Его плечо кровоточило и мучительно болело. Он съежился в комочек от холода и страха. Одежда была отчасти изодрана, отчасти выпачкана в крови и мерзкой слизи. Юноша верил, что есть надежда на побег, но с каждой секундой она уменьшалась.

Медлить нельзя, необходимо было бежать изо всех сил, выбираться из башни, бороться за свою жизнь!

Но Джимми это пугало еще больше, чем быстрая смерть от клыков монстра. Он не мог себе представить, что произойдет, если побег не удастся, и длинные, гигантские лапы твари разорвут на части худощавое тело. Юноша не желал выбирать смерть – мученическую, в немом терпении, или в сражении за свою жизнь.

Но как он сможет противостоять монстру, в котором роста не менее семи футов, если сил не хватило даже на то, чтобы отстоять свою честь перед покрасневшим лицом пьяницы? Только в последний раз, вечером, повезло, нашелся защитник. Ночью необходимо действовать самому или погибать.

Не просто погибать, быть убитым Абсолютным Злом и отправиться в Небытие. Ибо Людские боги к трусишке Джимми на помощь не придут, не отстоят его душу!

Джимми попытался приподняться. Опираясь на левую руку было слишком больно, поэтому юноша помогал себе встать только одной рукой. Стиснув зубы, Джимми присел на месте и стал глазами искать дверь или спуск вниз.

Ничего не было видно, водовместителище заполняла густая темнота, и у юноши не получилось увидеть что-то кроме очертаний стен и твари.

Как бы там не было, а одних только очертаний вполне достаточно для того, чтобы знать, в какую сторону двигаться. Джимми посмотрел на массивную спину чудовища и, преодолевая собственные страхи, начал потихоньку, практически ползком пробираться в сторону, противоположную твари. Он понимал, что движется к неизвестности, подвергает себя смертельной для души и тела опасности. В обычное время неизвестность, как ничто другое, заставляла юношу останавливаться перед следующим шагом. Джимми легко подвергался сомнениям, что вошли в симбиоз с его душой, чуть ли не после рождения. Только данный момент нельзя было

отнести к обычному времени. Любые сомнения и страхи отступают, обязаны отступить, когда начинается борьба за жизнь!

Когда юноша добрался до ближайшей стены, он принялся прощупывать буквально каждый кирпичик в надежде найти открытый проем или закрытую дверь. Джимми передвигался на коленях, в которые впивались осколки кирпича и камней. Юноша старался не обращать на это внимания и продолжал движение вдоль стен, прислушиваясь к каждому звуку, идущему сзади.

Пока за спиной раздавалось все то же голодное чавканье и довольное урчанье, можно было оставаться спокойным и продолжать поиски. Но Джимми не хотел воображать, что будет делать, когда чудовище зарычит и приготовится нападать. Юноше в голову, подобно могильным червям, что заползают в череп к покойнику, залезали жуткие мысли и образы. Виделись картины о том, как тварь длинными пальцами раздирает плоть, как по всей водонапорной башне валяются его внутренние органы и конечности, как чудовище ступает по вывалившемуся глазам, давя их.

Картины продолжали наполнять разум, пока колено правой ноги не коснулось чего-то твердого, имеющего кольцеобразную форму.

Юноша тут же мысленно возликовал. Он обнаружил металлическую ручку, а сам, по всей видимости, стоял на деревянном люке. Джимми прополз чуть дальше и ухватился за ручку, дабы потянуть на себя крышку люка, как внезапно услышал с той стороны шаги. Кто-то не спеша поднимался по ступенькам лестницы и скоро уже должен был достичь водовместилища.

Юноша поспешно отполз в сторону, чем создал много шума. Чудовище отвлеклось от насыщения, повернуло голову в сторону Джимми и заревело. Шаги под люком убыстрились. Тварь встала на лапы и, ссутулившись, направилась к юноше. Джимми в страхе начал задыхаться и подвинулся ближе к стене, закрываясь руками при этом. Чудовище протянуло лапу, а после крышка люка резко отворилась, будто ее силой толкнули. Юноша не видел того кто пришел снизу. Но было ясно, что это разумное существо.

Чудовище заревело и отпрыгнуло в сторону, да так, что пол задрожал и едва не проломился под весом этой твари.

– Неужели нетопырь... – протянуто произнес знакомый Джимми голос.

Юноша поднял голову и увидел стоящую возле открытого люка фигуру. В ее правой руке поблескивало лезвие длинного меча. Фигура явно принадлежала человеку среднего сложения, около шести футов ростом. Джимми не видел лица, но очертания и голос, прозвучавший в стенах водовместилища, указывали на то, что фигурой был никто иной, как паладин Себастьян.

Нетопырь расправил свои кожистые крылья и с яростью, присущей существам, подобным ему, бросился на противника. Поборник Ординума резко отскочил назад, выставляя перед собой клинок, и быстрым шагом отошел в темноту дальнего угла.

Чудовище быстро настигло врага и скрылось следом за ним. Что было дальше, Джимми различить не мог. Ночная мгла слишком плотно засела в водовместилище, делая его углы совершенно недоступными взору. Юноша лишь слышал тяжелое дыхание паладина, хаотичный звук ударов и пробирающий душу безумный рев нетопыря. Джимми хотел взять любой подручный предмет и броситься на помощь. Но тело было каменным. Вместо боевого духа и ярости, юноша лишь ощущал свою никчемность и невыносимый страх, что сводил внутренние органы. Джимми знал, что паладин еще жив. Из дальней части помещения доносилось его дыхание и обрывистые слова похожие на имена. Юноша решил, что паладин упоминает имена Людских богов или читает молитвы Ординуму, однако Себастьян Ардентэл называл людей.

– Это тебе за Клайда! Это за Лаитона! За Стевина, тварь, за Стевина! – громко выкрикивал он, после чего рубил сплеча.

Джимми положил руку на сердце и взмолился вслух:

– Людские боги, сохраните жизнь ему, прошу вас...

Примерно в центр водовместилища, в груды строительного хлама, вылетел паладин и с отчаянным вздохом свалился на твердый пол. Затем из темноты выпрыгнул нетопырь и радостно завопил, предвкушая ни то победу, ни то свежую кровь. Джимми содрогнулся от страха, увидев произошедшее. Клинок божественного поборника поблескивал где-то в стороне от него, а чудовище уже стояло прямо над поверженным противником, заноса над собой лапу, дабы острыми когтями разодрать его плоть и насытиться кровью.

По лицу юноши побежали холодные ручейки пота, и он почувствовал, как начинает терять сознание, осознавая безвыходность ситуации и свою беспомощность в ней.

Но неожиданно его душу словно схватили за горло и насильно поставили на ноги. Джимми поспешно огляделся вокруг и заметил кирпич. Не теряя времени, юноша вскочил с пола, схватил кирпич и с выкриком метнул в тварь. Джимми в этот момент ощущал себя мальчиком из древнего предания южан, что в одиночку разбил армию орков с помощью только одних камней.

Нетопырь слабо простонал, отвлекшись от прежней жертвы, охваченный бешенством, направился к юноше. Джимми осунулся, сжался и прислонился к стене. Он закрыл глаза, предчувствуя скорую смерть, однако, она не пришла. Вместо нее юноша слышал жалобный визг, затем кряхтение, а после глухой грохот.

Когда Джимми открыл глаза и увидел перед собой тушу нетопыря, из спины которой торчал меч, вогнанный в нее по самую гарду. Паладин тяжело дышал и, согнувшись, стоял возле мертвого врага. Он с усилием выдернул из туши меч и неохотно пнул ее ногой, повернув мордой вверх. Себастьян Ардентэл взял клинок другим хватом и резко пронзил грудь нетопыря.

Юноша пошатнулся. Он чувствовал, как все тело покалывает, и как сердце начинает постепенно замедлять свой стук, приводя его в норму... Так бывает всегда, если удастся пережить смерть.

Поборник подошел к Джимми, вытерев о гербовую накидку черную кровь, и убрал меч в ножны.

– Вы в порядке? – с отдышкой спросил он и тут же отпрянул, едва заметив во мраке лицо юноши. – Джеймс, Джимми? Ты что здесь вообще делаешь?

Джимми попытался объяснить после недолго раздумья:

– Я вернулся домой... вдруг это... – он кивнул в сторону чудовища, – оно принесло меня сюда...

Себастьян внимательно взгляделся в глаза юноши, будто выискивая ложь, отчего тому стало не по себе.

– Я не обманываю! Так и случилось, правда! – беспокойно закричал Джимми.

– Тише, тише! Не тревожь эти стены, пожалуйста! – успокаивающим тоном произнес паладин. – Я не упрекаю тебя и не подозреваю... просто, просто со мной впервые такое. За один день я выручаю одного и того же человека. Хотя я до этого и не выручал никого...

– А я никогда еще не сталкивался с такими бедами как сегодня... – ответил Джимми.

– Молись богам и больше не столкнешься, – заметил Себастьян Ардентэл и взял за плечо юношу. – Пойдем.

Себастьян резко скинул руку палладина с раненного плеча и стиснул зубы от боли.

– Ты ранен? – с беспокойством осведомился поборник.

– Эта тварь несла меня в когтях...

– Позволь взглянуть. – Себастьян Ардентэл поспешно вытащил из поясного мешочка трут, кремень и кресало и зажег огонек.

Слабый свет пламени осветил стену и небольшой участок водовместилища. Взору Джимми стали доступны неуловимые во тьме детали. Крайне мерзкие детали. Он все это время стоял рядом с растерзанным, обмороженным трупом, из живота которого торчала отвратитель-

ная масса внутренних органов, что переплетались друг с другом. А с другой стороны валялась крупная туша нетопыря, покрытая свежими рубцами и ранами.

– Давайте отойдем – предложил юноша паладину, который в этот момент подносил горящий трут поближе к раненному плечу.

Себастьян Ардентэл взглянул в сторону трупа, а затем в сторону поверженного врага и, прикрыв ладонью рот, содрогнулся всем телом, едва не выронив трут.

– В книгах все выглядело иначе... – задумчиво протянул он, уставившись на жуткую картину. – Повезло, что вампиры нападают в темноте, иначе лежать мне рядом с тем бедолагой.

Отойдя подальше, паладин отодвинул тулуп Джимми с его плеча и начал рассматривать рану. Повозившись с ней несколько минут он надвинул тулуп обратно.

– Что там? – спросил юноша, мысленно готовя себя к худшему.

– Крови уже нет, слава Людским богам, но есть очень большой кровоподтек, будто твое плечо прошло через механизмы мануфактуры, – вынес вердикт Себастьян.

Юноша некоторое время потоптался на месте, а затем спросил:

– Я слышал... однажды, что паладины лечат раны прикосновением... Мне неудобно просить, но...

– Прости, но я не умею этого делать...

С этими словами паладин затушил практически догоревший трут и подошел к открытому люку.

– Спускайся следом за мной, только осторожнее – лестница довольно крутая, – предупредил он, когда уже пролез в люк.

Джимми улыбнулся и молча кивнул, после чего направился за Себастьяном.

***

Впервые за всю свою долгую жизнь юноша поистине радовался, увидев пустую улицу, заметенную снегом и стоящую в ночной тишине. Ему даже захотелось в буре эмоций прыгнуть в ближайший сугроб и предаться беззаботным забавам детства. Джимми знал, что так бывает, когда избегаешь гибели, что приближается быстрее стрелы лесного эльфа, но никогда не испытывал подобного чувства. Сейчас же, далеко не благополучный квартал виделся королевскими чертогами, а прикосновения свирепого морозного воздуха казались ласковыми и приятными.

– Как странно! – воскликнул юноша. – Еще совсем недавно я ненавидел трущобы вместе с этой зимой. Но сейчас... Сейчас я смотрю на них, как на родной дом.

– Просто ты заново родился – согласился поборник Ординума, – Мне нужно довести тебя до дома, только теперь я прослежу за тобой до самой комнаты.

С этими словами он и юноша направились прочь от башни, и снег поскрипывал под их шагами.

– Чудовище в комнате и не сидело – признался Джимми, выждав короткую паузу. – Я открыл окно, хотел получше рассмотреть шпиль Исполинского обелиска и...

– Любовь к прекрасному ни к чему хорошему, уввы, не приводит, – объяснил Себастьян. – Она отравляет разум, вводит его впомутнение. А пока твой взгляд прикован к красоте, за его пределами назревает опасность.

– Разве может красота навредить? – недоуменно спросил юноша.

– Она этим постоянно занимается. Сначала ты не ощущаешь вреда, зато в дальнейшем платишь за безрассудное наслаждение своей жизнью или здоровьем, а иногда и жизнью... – паладин осекся и продолжил... – ну, в общем, других разумных.

– И вы никогда не смотрите ни на что красивое?

– Раньше смотрел... потом, когда... – Себастьян Ардентэл задумался, – Теперь я не смотрю. Хотя признаюсь, что я поднялся на водонапорную башню, чтобы получше рассмотреть звезды...

– Себастьян, а вы случайно поэзией не занимаетесь? – вдруг спросил Джимми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.